

Максим Муравьев

Сумасшедшая хронология

Максим Муравьёв

Сумасшедшая хронология

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11641053

ISBN 978-5-4474-1427-6

Аннотация

А знаете ли вы, почему все тела притягиваются друг к другу? Что в действительности скрывается за латинским словом «гравитация»? В книге творчески изложена теория старения, связанного с накоплением в организме тяжёлых солей. А также читатель узнает, кем был, где и когда на самом деле жил Иисус Христос, основатель христианства. Автор развивает смелые идеи современных исследователей А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского.

Содержание

Введение	6
Предисловие для очень умных	8
Предисловие для умных	10
Предисловие для очень неумных	12
Запоздалая инициатива	14
Часть 1	16
Приход	16
Профессор Макеев сообщает о вселенском открытии	18
Исход	25
Любимый начальник	26
Настал час расплаты	30
Почему динозавры стали маленькими?	36
Рассказ Комарова о свободе	42
Императрица ест капусту	44
Пилите, Шура, пилите	52
Глубокий смысл	54
В правительственной селёдке	63
Торнадо	68
Торнадо в селёдке	70
Флора Фрауэр принимает гостей	93
Детская поучительная история от Комарова	95
Детская поучительная история от Шприца	96

Детская поучительная история от русалки
Конец ознакомительного фрагмента.

97
101

Сумасшедшая хронология

Максим Муравьёв

© Максим Муравьёв, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Введение

Трудно сказать, о чём эта книга. Я конечно могу, но ведь не интересно же смотреть футбольный матч, зная итоговый результат, и скучно читать детектив, зная, кто убийца. Трудная ситуация. Поэтому, если вы хотите прочесть книгу, то пропустите это коротенькое введение, не читайте его дальше, а начните с предисловия для умных... Понятно? Дальше это введение не читать!..

Всё. Умные читатели эти слова уже не читают, а тем, кто остался, кто всё-равно не будет читать всю книжку, я скажу ещё несколько слов. Эта книга о том, что никогда не надо отчаиваться и унывать. Ну или только в самом крайнем случае. Это во второй части. В качестве горькой пилюли (хотя, надеюсь, для кого-то это окажется шоколадной конфетой) выступит первая часть книги, в которой автор поделится своим взглядом на причины старения. Если вы уже постарели или стареть не собираетесь, и поэтому такие вопросы вас не интересуют, вы можете пропустить первую часть – я это разрешаю – и начать сразу с самого неинтересного, со второй части... Понятно, что темы мною выбраны скучнее некуда, но и вы меня поймите: самые весёлые темы и так уже изучены вдоль и поперёк. Сегодня все куда-то торопятся, бегут. Если и ты, мой читатель, куда-то бежишь, то брось эту книжку, беги быстрее, а то не дай бог опоздаешь... На секундочку

опоздать – смерти подобно. По себе знаю.

Предисловие для очень умных

Почему-то умные очень любят цифры. А не слишком ли у вас завышенная самооценка, чтобы читать это предисловие? Следующие два вам наверняка подойдут. Ну каждый буквально норовит не в свои тапки залезть!.. На чём я остановился? Да... Любят цифры. Любите? Любите. А я не очень. Поэтому не очень-то много цифр вы найдёте в этой истории. Ну чего опять разнылись? Не будет вам цифр! Без цифр обойдётесь. Ведь что главное? Главное: что считать. Главное: куда приложить линейку. Вот например была тут страна одна: танков и комбайнов... как комаров в болоте, а жрать нечего и носки дырявые...

Цифры, цифры. Термины, термины. «Определяется, характеризуется...» Каким языком вы говорите? Публика зевает. Иркутские милиционеры очень недовольны вашим творчеством – ничего не понятно! Это иркутским милиционерам непонятно! Людям, чей интеллект известен даже в глухих африканских селениях! Стыдитесь, ещё больше стыдитесь! Только из-за вашего зазнайства и высокомерия головы пяти миллиардов землян забиты мусором. Чем интересуются эти пятеро? Что читают, слушают, смотрят? Вот первейший вопрос современности: кто за кого первый выйдет замуж? Луис за Анжелику или Анжелика за Луиса?

Если бы Ньютон не один сидел под яблоней, мы бы то-

гда... тогда бы мы... эээ... тогда бы мы просто себя не узнали! Всем бы яблоками по башке!.. А так что? Ничего. Компот, варенье, ничего особенного... Простота и занимательность – вот что делает из вас полезных членов общества. Конечно, моего уровня народы не достигнут никак. Но этого я от вас и не требую. Хотя бы уровня Ньютона; он в школе-то кое-как учился.

Всё это умные люди сами должны понимать, но почему-то не понимают. Не уверен я, что вообще существуют очень умные люди, но уверен, что если существуют, то эта история будет для них очень полезна и поучительна.

Предисловие для умных

Главный мой недостаток – скромность; вы наверняка это заметили. Ничего не могу с этим поделать. Надо смотреть правде в глаза. Селёдку надо называть селёдкой, а гения – гением. Ну вот к примеру, возьмём хотя бы меня и Иисуса Христа. Иисус Христос обещал жизнь вечную, но призрачную. А я предлагаю лет пять, но настоящие. Ну кто из нас крутой? Что вы, умники, выберете? Ну пусть не пять, а десять. Вы не на базаре. Вот и получается, что настоящее лучше призрачного, десять лучше пяти, а Иисус хоть и миссия, а по сравнению со мной – мальчик, причём из неблагополучной семьи. Есть сотни теорий старения и все они неправильные. Потому что сочиняли эти теории кто попало: какие-то учёные, архивные крысы, ботаники близорукие. Одного взгляда на этих жалких людей достаточно для того, чтобы понять, что ничего путного такие головы не родят, даже если вы их завалите, даже если завалите долларами. Спиться сопьются, а родить не родят. Если бы за дело дружно взялись иркутские милиционеры, они бы придумали тысячи теорий, причём абсолютно правильных. Даже один из них, середнячок, с моей помощью посадит в лужу, а потом заткнёт за пояс... нет, наоборот, сначала за пояс, потом в лужу, чтобы не запачкаться... посадит всех нобелевских лауреатов. Держись, наука, вот-вот тебя посрамит мой ученик.

Даже если всё это окажется ошибкой и окажется, что мы стареем совсем по другой причине, то и тогда это будет полезнейшая ошибка, которая осветит путь... Бред. Никакой ошибки быть не может. Всё ясно, как день, и проверять не нужно.

Предисловие для очень неумных

Не очень-то вы высокого о себе мнения. У вас слишком заниженная самооценка. Это надо исправлять. Любой хороший психолог (как я) скажет, что заниженная самооценка (как у меня; да, я себя недооцениваю) портит людям жизнь. Вспомните моё золотое правило: «возлюби ближнего, как самого себя». Если человек себя не любит, то ближнего он будет любить, как пережаренную яичницу, то есть любить не будет. Возлюбите сначала самого себя. Согласен, дурака трудно полюбить; его и терпеть-то невозможно. Тогда так. Научитесь хотя бы играть на балалайке. По глазам вижу, что у вас дома есть балалайка. Какой-никакой талант, а талантливую себя уже гораздо легче полюбить. И только после этого вспоминайте моё золотое правило.

А сейчас самое время обратиться к членам нобелевского комитета. Говорят, вы премии бесплатно раздаёте. Это мне нравится. Я люблю премии. Вы это запомните и не тяните резину. Человеку сто лет, к нему приходят: «Мистер, танцуйте, пляшите, – вам присудили нобелевскую премию! Подтвердилась ваша теория магнитного скольжения клопиков! Поздравляем! Ликуем! Ваще круто, коллапс какой-то!.. Уф, уф...». Он, неожиданно проснувшись, трясая головой, отвечает примерно так: «чего?».

Сейчас самое время дать премию мне. И не одну, а штук

пять. Во-первых, за абсолютно точное объяснение гравитации. Профессор Макеев неопровержимо доказал, что никакой гравитации не существует. Шлите премию мне, а я ему передам. Во-вторых, за разгадку тайны исчезновения динозавров. Об эту тайну разбита не одна голова и вот – свершилось! В-третьих, кто знал, почему бабы живут дольше мужиков? Везде: в городе, в джунглях, в горах, в Тунисе! Теперь об этом узнают все! За это тройную премию и бесплатную экскурсию летом по тундре давать надо! В-четвёртых, за стройную теорию старения. Мои соавторы сержант Комаров и полковник Шприц чуть шею себе не свернули в поиске улик. Да никакая премия не излечит их пострадавшую психику! Знаете, как они рыдают лунными ночами?.. Не знаете. В-пятых, за самую короткую и точную хронологию в мире; Комаров такие мозоли на руках натёр, доказывая её правильность! И в-шестых, за бессмертный образ иркутского милиционера, описание его нежных чувств, за проникновение в его трепетную душу – не дать литературную премию будет просто преступлением перед искусством. И в-шестых, и в-седьмых, и в-тридцать девятым: что ни сцена, то откровение; что ни слово, то жемчужина... Имеющий уши, увидит... Вперёд!

Запоздалая инициатива

Давно пора было за вас, бессмысленные писатели, взяться, да руки как-то не доходили. Все, кому не лень, лезут, куда ни попадя. С грязными руками да в кастрюлю с супом! Но теперь всё – хватит! Теперь птицы расцветут дивными красками, как вы обычно пишете, а цветы запоют дивными голосами... или наоборот, не важно. Литература полетит вперёд, как японский экспресс; в археологии выроют самую большую яму и даже музыка засияет всеми красками, которыми раньше не сияла. Я не верю в это – я это точно знаю. Моя инициатива хотя и запоздалая, но грандиозная! Инициатива такая:

Всякий гражданин, считающий себя творческой личностью, обязан прежде всего ознакомить публику со своими скверными привычками.

Молчать, хлюпики! Чего разнылись, спрашиваю? Как миленькие всю подноготную о себе расскажете, а не расскажете, так мы и анализы сделаем, вас не спросим, вам же хуже будет. Предложение – лучше некуда.

Как я это себе представляю? Прекрасно представляю. Вот как начнёт какой-нибудь проповедник какую-нибудь там себе проповедь каким-нибудь прихожанам: «Возблагодарим Господа братья, за этот светлый, ниспосланный нам воскресный день, за радость встречи, за благодать и уверенность в

спасении в наших душах и всё такое... Кстати, забыл сказать, сегодня утречком я хлопнул стакан водки для повышения премудрости только – не для чревоугодия конечно. И вам советую. Ведь и патриархи не брезговали, и, когда Исаак родил Иакова...».

Сразу всё понятно с таким проповедником – наш человек. Ну или не проповедник, а писатель, музыкант, художник, кто-угодно... Полезная инициатива. Потомкам пригодится. У меня много таких инициатив.

А сейчас предупреждаю: в ошибках, галлюцинациях и намеренных искажениях, которые далее встретятся, виноват я сам. Табачную, алкогольную промышленность, а также честных тружеников широких афганских полей в данном случае прошу не обвинять. Я не хочу сказать, что я гений, потому что трезвый. Наоборот – я трезвый, потому что гений. В общем, это смешно даже обсуждать. Это очевидно.

Максим Муравьев

«Покажите вы, – он пишет, – русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленную». Никаких знаний и беззаветное самомнение – вот что хотел сказать немец про русского школьника.

Ф. М. Достоевский

Часть 1

Приход

Весна. То день, то ночь. То тепло, то холодно. Достаточно тепло, для того чтобы появились сосульки, но достаточно холодно, для того чтобы они не растаяли. Одна из этих проклятых сосулек упала на голову сержанта Комарова. Сосулька была большая, совершеннолетняя, с явно преступными наклонностями, хотя вряд ли была рецидивисткой. Комаров был грозой преступного мира и вот очередная попытка тёмных сил убрать его со своего пути. Он сразу это понял, но попытка провалилась. Хотя сосулька была огромной и могла убить слона, упала она плашмя, лишь немного оглушив сержанта. Он немного постоял, выпучив глаза, – минут двадцать – а потом медленно открыл дверь и вошёл в здание.

Сосулька упала с крыши местного университета, выпускники которого разъезжались по миру, чтобы сделать его прекраснее. Лучшие преподаватели работали здесь. Учёные со всего мира стремились сюда. Не все соглашались приехать, но стремились все без исключения.

Сержант Комаров, покачиваясь, немного прошёл по коридору, повернул в первую попавшуюся аудиторию и сел на ближайшее место. Надо сказать, Комаров был в каске, по-

этому падение сосульки не сильно расстроило умственные способности сержанта. Но я уверен, что даже если бы он забыл каску в отделении, комаровская голова была бы в полном порядке. Кто не знает сержанта Комарова? Ах да! Вы же ещё не знаете сержанта Комарова. Так знайте. Комаров головой разбивает доски, бутылки. Однажды, попав в аварию, он разбил головой, лучше сказать лбом, лобовое стекло автомобиля, пролетел несколько метров и погнул фонарный столб. Что могла сделать какая-то сосулька такому человеку? Даже жалко, что Комаров не снял каску, тогда бы не пришлось мне доказывать очевидного. Что ещё можно сказать о его характере? Всё самое важное уже было сказано – пробивной характер.

Пока наш герой пытался мучительно вспомнить, зачем он сюда шёл, аудитория наполнялась студентами. Последним вошёл высокий человек с большой сумкой. Это был лектор.

Профессор Макеев сообщает о вселенском открытии

Комаров смотрел, как лектор из сумки вытаскивал тарелку, нож, арбуз, и задавался вопросом: почему у него такая большая голова? «Каску он не носит» – догадался Комаров после минутного раздумья.

Профессор Макеев начал своё выступление так:

– Знает ли кто-нибудь, почему этот арбуз такой тяжёлый? Почему он стремится вниз? Это детские вопросы, но удивительно... сегодня, когда каждый школьник уверен, что всё уже известно и изучено, что всё изобретено и лежит в магазине, – на такие простые вопросы никто не может ответить. Почему Земля болтается вокруг Солнца, а Луна вокруг Земли? Какая невидимая верёвка связывает их друг с другом? Представим, что сейчас этот арбуз взлетит и начнётся кружиться вокруг меня, меня – светила физической науки. Невероятный фокус! Но такой фокус как летание Земли вокруг Солнца происходит постоянно и никто ему не удивляется. Просто говорят, что чудесная сила притяжения притягивает все тела друг к другу. Но это же никакое не объяснение! Если нас удовлетворяют подобные отговорки, то во всех учебниках физики мы должны записать, что арбуз твёрдый оттого, что на него действует сила отвердевания; что арбуз зелёный оттого, что на него действует сила озеленения;

что арбуз сладок, потому что сила ослабления сделала его таким... Хорошенькие учебники получатся! Весёлые, по крайней мере... Так что же притягивает все тела друг к другу?

Макеев взял нож двумя руками и занёс его над арбузом, – Нет никакой гравитации! – сказал профессор и разрезал его пополам.

– Вот я слегка раздвигаю половинки арбуза, нож кладу между ними, получается небольшая щель, около сантиметра. Теперь представим, что прилетели высокоразвитые инопланетяне и из зависти к нам разрезали также и нашу Землю суперлазером. И улетели, мерзавцы. Что будет с нашей планетой? Только учтите, гравитацию я отменил! Всё, закон всемирного тяготения не работает. Что будет происходить с двумя полупланетами? Они разлетятся в разные стороны? Или прижмутся друг к другу? Или маленькая щель между ними так и останется?... Если бы действовали силы притяжения, Земля бы схлопнулась и восстановила бы свою прежнюю форму, это очевидно и понятно. Но я повторяю и буду повторять: сил притяжения уже нет...

Пока вы думаете, я арбуз попробую... О! Сладкий. Мощные силы ослабления.

Профессор попытался расщёлкивать арбузные семечки, но они скользили и сопротивлялись.

– Я думаю, что без гравитации разрезанная планета останется в прежнем состоянии, – сказал студент в очках, – если ничего её толкать не будет.

– Будет толкать. Я же только гравитацию запретил, а всё остальное в космосе осталось. Чего там только нет!..

Макеев замолчал, а семечки, которые держал в руке, стал пулять в арбуз. Попадал не всегда, но некоторые стукались в зелёную корку.

– Много промахов, надо тренироваться. В космосе много чего есть. Всякие частицы, лучи, газы, пыль, метеориты обстреливают нашу Землю. Даже сейчас сквозь нас летят нейтрино... Заметили, что я ни разу не попал в красную мякоть арбуза? Также и космические частицы почти бы не попадали в разрез между половинками Земли. Давайте я вам на доске нарисую.

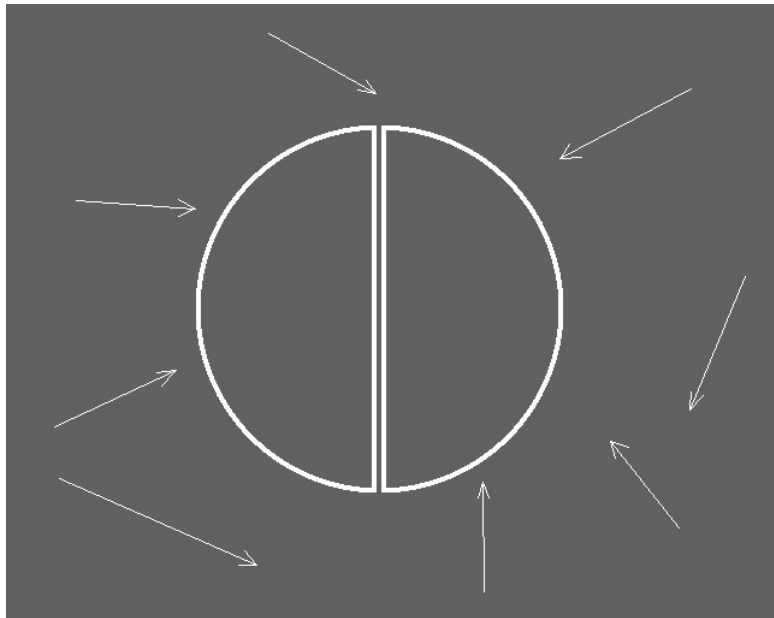

Рисунок Макеева.

Вот, со всех сторон частицы бьют Землю. Очевидно, что разрезанная Земля в такой ситуации схлопнется. И без всякой гравитации, заметьте! Космические частицы врезались бы в кору Земли и толкали бы половинки навстречу друг другу. Это происходило бы плавно, половинки бы медленно разгонялись бы и врезались бы уже на самой большой скорости, в полном согласии с законом всемирного тяготения.

Думаю, что надо переименовать этот закон в закон всемирного приталкивания. Если бы во времена Ньютона было известно больше о микрочастицах и космических излучениях, великий физик сам бы легко объяснил, почему все тела притягиваются и как именно это происходит.

Ну подумайте сами: если между двумя телами вакуум, нет абсолютно ничего, ни верёвки, ни цепочки – как они могут взаимодействовать? Никак. Сами – никак. Их толкают другие.

Теперь можно объяснить притяжение любых других тел. Почему этот арбуз падает к Земле? Если бы не было Земли, на арбуз бы почти равномерно сыпались космические частицы и значит он оставался бы неподвижным. Если же рядом вдруг появляется Земля, она закрывает собою арбуз от части космических частиц. Значит теперь со стороны Земли поток частиц уменьшился, а со стороны космоса остался прежним. И арбуз падает...

Я профессор, но я всегда не понимал, как у частицы может быть нулевая масса? Это же нелепо. Если нет массы, значит нет частицы! Однако физики упрямо твердят: «Частицу видим, а массу, уж извините, никак найти не можем!» Этот парадокс теперь легко можно объяснить с помощью моего закона приталкивания. Поставим рядом с Землёй вместо арбуза одну самую маленькую частицу в мире. Одна частица не полетит к Земле! А кто её будет толкать? Она же одна! Значит, может существовать частица без массы!..

Получается, и массы самой по себе не существует? Хм...
Получается, продавщица мне врала, когда говорила, что арбуз три кило весит! Хорошенькое дело! Я за него сто рублей выложил! За что, спрашивается?..

– А куда же по-вашему девается вся эта космическая пыль? – Спросил тот же голос из зала. – Что-то его незаметно.

– Да вы сидите на нём. За пять миллиардов лет Земля из пылинки выросла в такую вещь! Или за десять, не важно. А он не замечает! Всё это время лучи, пыль оседали на Земле и вот. А Солнце? Не в магазине же его купили. Само сделалось из космоса. Долго-долго в кучу собирались газы, частицы... И Солнце готово, загорай – не хочу. И они продолжают собираться, летят к нашей звезде. Это они приталкивают Землю к Солнцу, а не сама Земля притягивается. Почему Земля не отталкивается солнечным излучением? А не может Солнце выделять частиц больше, чем получает. Космический поток к Солнцу больше, чем от него. Иначе бы оно никогда не выросло, так бы и осталось карманным фонариком на батарейках...

Напоследок отметим главное. Если б не было Солнца, арбузы бы не вызревали... Сто рублей... Это грабёж. Какие три килограмма?.. Если масса не скорость, тогда что она? Не объём же? Конечно нет. И запомните дату – 2009 год, а лучше запишите. В этом году я разгадал загадку гравитации. Теперь не нужно играть на суперструнах, искривлять простран-

ство и погибать время. Всё. Ой, мы же забыли сформулировать закон приталкивания. Например так: «Все тела приталкиваются». Коротко и ясно. А если какое-то тело не желает приталкиваться, тогда... что тогда? Тогда о новой шубе пусть даже и не мечтает. Законы нарушать никому не позволено. Всем удачи!

На этом речь Макеева окончилась. К нему подошёл Комаров.

– Сержант Комаров. Разрешение на ношение холодного оружия имеется?

– Изобретатель Александр Константинович Макеев. Есть разрешение. Жена разрешила.

– Всё равно забираю. Разрешение на ношение нарезного оружия имеется?

– Нету.

– Значит, его я тоже забираю.

Комаров уложил в сумку разрезанный арбуз и ушёл по своим делам.

Исход

А дела его были такие.

Он поехал в аптеку. Там он спросил:

– Таблетки для улучшения памяти... И воды дай запить.

Выпив пять таблеток, Комаров вспомнил, зачем он приехал в университет.

– Теперь давай таблетки для омоложения организма.

– Вот таблетки, вот бальзам, микстура, омолаживающий спрей...

Комаров тут же применил предложенные препараты, запив их бальзамом. Он немного постоял – минут двадцать – и потребовал:

– Памперсы давай. Кажется, я слишком сильно помолодел.

Комаров возвращался в отделение. Он всегда много думал. Обычно мысли приходили сами собой и думались о том, что им было интересно. Сейчас они думались вот о чём. ЦРУ – Центральное Разведывательное Управление. Если есть центральное, значит где-то должны быть региональные управления – РРУ. Где? Иркутск же тоже регион. Здесь тоже есть РРУ?.. Вообще-то есть тут одно управление... Неужто они? Чудовищно! Как они могли?! Предатели!!!

Любимый начальник

Комаров вернулся в отделение с двумя большими сумками, в одной арбуз, в другой лекарства. Он сразу направился в кабинет начальника. Гаврила Гаврилович Шприц занимался физкультурой: прижимания, отжимания, подтягивания, оттягивания. Коротенькая, когда-то белая маечка не скрывала кругленький потный животик.

– Принёс?

– А как же. Вот, полная сумка, самые лучшие средства омоложения. В университете порекомендовали, – соврал Комаров.

– Дай-ка попробую... – Шприц попробовал пилюли из первой попавшейся баночки. – Невкусные почему?

– Потому что полезные очень. Надо арбузом закусывать, он сладкий.

Друзья устроились перед телевизором. Арбуз порезали, порошки, пилюли насыпали в две глубокие чашки и изрядно подсластили их мороженым, вытащенным Шприцем из холодильника.

Настроение было прекрасное... На этом месте я, автор, хочу поделиться с вами интересным наблюдением. У одного хорошо известного курящего писателя, а точнее сказать, у одного известного хорошо курящего писателя я прочитал такую фразу: «у такого-то БЕЗ ПРИЧИНЫ было ХОРОШЕЕ

настроение». Из данной фразы можно понять, что для этого писателя естественное настроение – плохое, а для появления хорошего настроения нужна какая-то причина. Например, покурить. Будь я хорошо известным писателем, я бы писал так: у такого-то БЕЗ ПРИЧИНЫ было ПЛОХОЕ настроение. Или так: у Шприца и Комарова настроение было прекрасное.

Фильм отключил сознание. Счастье приходит к дуракам, только когда отключается сознание. А кто не дурак?.. Кто, кто – немцы не дураки. Они же не зря учатся а Йенах, Фрайбургах и Карлсрузах. И вот собрались учёные немцы со всей страны в Берлине на симпозиум. Тут встаёт один ботаник в белом халате и токую речь говорит на весь этот бундесрат:

«Уважаемые фрау и, как вас там... мужики! Слушайте сюда, что я вам сейчас скажу. Скажу, что горько смотрю я на наше житьё-бытьё! До чего мы докатились! Грустно... Что мы всё айн-цвай-драй да айн-цвай-драй? Неужто ничего другого придумать не можем? Что мы всё жрём сосиски и жрём? Да ещё и с капустой. Как самим не надоело?! И чего мы, как заведённые, всё мерседесы да мерседесы, всё пылесосы да пылесосы собираем? Как только руки не отвалятся. И ещё аспирин, который, если в стакан, пшшш делает с пузырьками... Эдак же над нами скоро все смеяться будут. Пальцами показывать будут: – Смотрите, – скажут – вот эти идут, ха-ха, которые... пшшш которые... ой умора! не могу, ой от смеха лопну ... с пузырьками которые! с сосисками! – Вот что

может случиться! Превратимся в посмешище на весь мир! Понимаете!?!»

Тут все заволновались, за головы лысые схватились, спрашивают друг друга: как же быть, что же делать? А этот самый ботаник в халате и говорит: «Я знаю, что делать. Нужно машину времени придумать! Уже все давным-давно машину времени придумали – одни мы, как дураки, не можем!»

Тут все опять заволновались, за блокноты, ноутбуки схватились, давай схемы чертить, цифры-формулы считать. Придумали машину времени, по сто евро с рыла собрали и айда всей толпой на главный берлинский завод по выпуску мерседесов. За ихние евры на этом заводе точно по чертежам деталей наштамповали, а на следующий день из деталей этих собрали учёные машину времени на главной площади. Собрали и, недолго думая, залезли в этот аквариум, чуть не передрались. И в ту же минуту ЧПОК – и машина времени, похожая на аквариум, испарилась. А сконцентрировалась она в меловом периоде, семьдесят миллионов лет тому назад... Учёный – всегда учёный. Вылезли, воздух понюхали и давай бабочек-сусликов ловить да анализы в микроскопе рассматривать. Но очень скоро правила игры поменялись и двуногие ящеры, похожие на оципанных куриц, стали ловить самих учёных. Небольшие двухметровые динозаврики очень скоро скушали почти всех изнеженных немцев.

Когда чашки с мороженым и таблетками были уже съедены, случилось что-то странное. Неожиданно порыв тёпло-

го воздуха прямо из экрана телевизора забросил в кабинет большой зелёный лист, наверное лопуха.

– Это как это? – дружно подумали Комаров и Шприц и уставились на древний семидесятимиллионный лист. Когда они подняли потерянные лица на экран, с него на них в упор глядел нахальный динозавр.

Настал час расплаты

Нахал махнул лапой и две зелёные твари впрыгнули в комнату, схватили двух честных милиционеров и понеслись назад в древний лес. Динозавр с нахальной мордой и деловым видом прошёлся по кабинету, проглотил арбузные корки, набрал полную охапку бумаг, наверное секретных, и прыгнул обратно в телевизор.

Пока ящеры тащили свою добычу в древний лес, бедные жертвы грубого насилия попытались привести свои мысли в порядок.

– Шеф, шеф! Это же чеченские террористы! Нас взяли в заложники! – осенило светлую голову Комарова.

– Что за чушь! Какие чеченцы? Это же грузины! – спорил с ним Шприц, хотя это было не просто. Цепкие грузинские лапы так крепко держали полковника, что трудно было даже дышать.

– Шеф, а можно я им сейчас наkostenялю?

– Накostenяляй, Лёва, наkostenяляй!

– Не могу, Гаврила Гаврилыч. Держит крепко, зараза!.. А можно я его тогда замочу? Столько арбуза съел...

– Держись, Комаров, не ссы, ты же русский офицер!

– Поздно держаться, шеф, почки работают, как часы.

Комаров не знал, как называются водные часы, иначе бы он сравнил почки с водными часами. Конечно, если бы он

ещё знал о существовании когда-то таких часов.

Всю ночь наших бедных арестованных били по почкам, по часам. Час бьют, час не бьют. И так до утра. А утром, на рассвете их потащили на полянку. На брёвнышках и пеньках расположились участники судебного заседания. Судья в мантии сидел на самом высоком пеньке.

– Встать, суд идёт, – начал он процесс. – Прокурор, в чём вы обвиняете подсудимых? Что они натворили?

К подсудимым только начинало возвращаться сознание. Они лежали под скамьёй подсудимых и вяло пытались шевелить пальчиками. «Всё же до чего же утомительными порой бывают допросные мероприятия», – думалось Комарову.

– Они натворили очень много, – прокурор набрал в лёгкие побольше воздуха. – Вымогательства, грабежи, фальсификация уголовных дел, покрывательство преступлений, коррупция, контрабанда, торговля оружием и наркотиками, переход улицы в неполюженном месте, нанесение тя...

– Неправда! Неправда! – трагически воскликнул Комаров, приподнимаясь из последних сил. – Там была зебра! – и упал измождённый.

– ... нанесение тяжких телесных повреждений, пытки, покушения на убийства и сами убийства. Но самое главное в том, что эти злодеяния нанесли репутационный ущерб Российской Федерации в глазах мирового сообщества и тем испортили инвестиционный климат; за это как прокурор предлагаю откусить им головы, заодно и позавтракаем.

– А есть ли у Вас какие-нибудь доказательства? – усомнился судья.

– У меня целая куча доказательств, – прокурор показал на гору бумаг, на вершине которой лежал календарь за 2009 год. – А потом они сами во всём сознались!

– Под пыткой! Мы оговорили себя под пыткой! Нас били по почкам, чтобы не оставить синяков, но эти тупые твари не знают, где у человека находятся почки!.. поэтому били везде, наугад, как в казино, всю ночь!

– Но ведь в Иркутске так принято, начал мямлить прокурор. – Вы же из Иркутска? Ну вот! Мы старались, хотели соблюсти традиции, чтобы вы чувствовали себя, как дома... обычай...

– Как вам такое могло прийти в голову?! – опять кричал Гаврила Гаврилыч. – Иркутск – город добра и самолётов, город христианской морали и всепрощения! Зимой в проруби купаются! В следственных изоляторах тайский массаж и ананасы в шоколаде!

Присутствующие живо представили себе ананасы и тайский массаж в следственном изоляторе без стёкол при температуре замерзания воробьёв. Всем сразу сильно захотелось в Иркутск. А судья вдруг сказал:

– А я думаю: чего это они какие-то помятые, под травмой (Правильно: трамвай. Прим. Автора) попали, что ли? А тут вот оно что... по почкам... А-я-я-й, господин прокурор, нехорошо получается. Где ваши аристократические манеры?

Голову откусывать он собрался! Вы бы сначала себе штаны купили, господин прокурор. Нельзя так с иркутчанами (Правильно: с иркутянами. Но для ощипанной курицы «иркутчане» – неплохой уровень. Прим. Автора) обращаться, а то ведь вымрут, как наши пращуры-ящеры. Беречь надо иркутчан... А что скажет господин адвокат? Всё-таки выдвинуты серьёзные обвинения.

Влез зелёный адвокат в очках и в... Э-э-э... Просто в очках.

– Я скажу, я сейчас скажу, – сказал он. Да, обвинения, да, куча доказательств, осудим, откусим, это мы умеем... Миллион лет уже этим занимаемся, а преступники никуда не деваются. А потому что не в судах надо бороться с преступностью. Не в суде рождаются преступники, а в семье, в школе. Ребёнка надо научить быть счастливым. Другие науки должны помогать этой. Экономика нам скажет, как построить тёплый дом и собрать в нём сытный стол, а история расскажет, как искали счастья раньше, много ли добились и как в бане мылись, анатомия укажет, как на сердце радость ляжет – толь в крови гормоны, то ли в мозге электроны. Сколько нам для счастья нужно грамм, калорий, ватт и лет, математик посчитает, даст уверенный ответ.

Счастливый человек никогда не пойдёт на преступление! Никогда счастливый человек не станет переходить улицу в неполюженном месте! Откусив голову, разве мы сделаем подсудимых счастливее?

Мои доверители – несчастные, умственно отсталые организмы, на уровне одноклеточных. Виноваты ли они в этом? Виновата ли пустая коробка в том, что она пустая? Мои доверители и коробка не виноваты. Я прошу их освободить, Ваша Честь.

– Я протестую, Ваша Честь! – закричал прокурор. – Что же мы будем есть? Этот очкарик испортит нам весь завтрак! А нам нужно расти, нам нужен кальций для костей!

– Господин прокурор, Вы слишком увлекаетесь. Здесь не ресторан, а всё-таки суд... (Тише) В прокуроры всяких дураков берут, так хоть бы кормили. Сразу видно, что подсудимые – умственно отсталые особи, у них и мозгов-то, наверное, нет. Очень жаль, я так люблю отварные мозги с луком. А потом давайте будем гуманистами. Каждый человек достоин уважения, даже такие убогие. Приговариваю их к исправительным работам. Иногда наши недостатки становятся нашими достоинствами. Императрица Фораминафера тоже одноклеточная – они должны найти общий язык. Угомонится она когда-нибудь или нет?! Надо попробовать. Господин секретарь, проинструктируйте осуждённых, опишите политическую обстановку, так сказать.

Судья побежал по своим делам, прокурор с недовольным видом принялся жевать календарь за 2009 год и прочие доказательства, а секретарь завёл такой разговор с Комаровым и Шприцем:

– Друзья, сколько можно отдыхать? На вас возлагается

важное поручение. Вам нужно будет подружиться с Фораминиферой и добиться от неё важной уступки. Дело вот в чём...

Почему динозавры стали маленькими?

Все проблемы начались у динозавров после того, как власть в племени Фора захватила Фораминифера. Произошло это 70 миллионов лет назад. Тогда на Земле хозяйничали могущественные гиганты динозавры. Теперь 70 миллионов лет спустя динозавры скукожились до таких карликов, как я, а племя Фора стало империей Фора, которая захватила уже весь океан. А победить ей помогло новейшее оружие – белый панцирь. С самого рождения тело форианца защищает прочная белая броня. Форианцы заселили и тёплые экваториальные воды, и холодные полярные моря; они господствуют и в освещённых поверхностных слоях, и на самой глубине океана, куда не доходит солнечный луч. Они проникли и в континентальные водоёмы: реки, озёра, пруды, болота – везде вы их встретите. И в подземных водах, и даже в моём кишечнике. Рождаются они так быстро, что за праздничным столом одновременно поздравляют прапрабабушку и праправнучку с днём рождения. И при этом они не стареют.

Они маленькие, но их много и они везде.

Как же форианцы смогли насолить динозаврам? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно поподробнее рассказать о белом панцире. На первый взгляд, панцирь – идеальная за-

щита. Он прочный, дешёвый, самособирающийся. А собирается из кальция, растворённого в воде, и из углекислого газа, который форианцы, как и мы с вами, выдыхают... Но на второй взгляд, можно увидеть и важный недостаток форианского бронезилета. Однажды начав расти, он уже не может остановиться, он продолжает расти до тех пор, пока форианец его носит. И если ничего не предпринимать, панцирь вырастет до таких размеров, что форианец в нём в квартиру по лестниц подняться не сможет, даже в подъезд не влезет. Поэтому форианцы вынуждены регулярно сбрасывать тяжёлый старый панцирь, заменяя его лёгким новым. И что же получается от таких переодеваний? Кальциевый панцирь крепкий и тяжёлый, не боится воды, в воде он может пролежать целую вечность и ничего ему не будет: не проржавеет и не рассосётся. Как снег зимой, на океанское дно миллионы лет падали белые панцири. Миллионы лет в океане мела эта вьюга. Мела, мела и намела умело немало мела. Да, обычный мел, которым пишут в школе на чёрной доске, появился не сам собой, а благодаря Фораминофере и её подданным. Они просто завалили весь океан своим мелом. И что получилось? Сегодня уже почти не осталось кальция в океанской воде. Из чего завтра форианцы будут лепить свои панцири?..

Можно сказать, что это их проблемы, но мы все плывём в одной лодке. Они очистили океан от кальция. И на суше кальция остаётся всё меньше и меньше. С поверхности океана испаряется чистейшая вода, собирается в тучи, в виде до-

ждей проливается над горами и лесами, а ручьи и реки возвращают в океан не чистойшую, а просоленную воду.

Фораминифера трудилась не одна, ей помогали кораллы. Миллионы лет до неё и уже при ней они строили себе особняки посреди океана, а по краям наделали себе коралловых рифов, тоже всё из мела. Трилобиты, ёжики всякие, потом рыбы – все они сначала накопят в себе кальция побольше, а потом давай сразу помирать, скелетики свои разбрасывать. Но в основном всю работу проделала Фораминифера.

Так чем же они все насолили динозаврам? А тем насолили, что не досолили. Не досолили солей кальция. Соли кальция могут быть и жидкими и твёрдыми. В жидком виде они легко проникают внутрь, а в твёрдом виде кальций помогает делать всякие кости, зубы. Много ещё чего. Все знают, какие раньше были динозавры. То рога на голове с перепонками, то забор на спине из колючек, то зубов во рту, в пасти целая тысяча, а некоторые вырастали до клыков и бивней. Или вместо шкуры броня, как у танка, хоть из пушки стреляй. Когти, волосы, перья, везде нужен кальций. А яйца. Эх, если бы вы видели эти яйца! А вылупился динозаврик, знаете сколько ему нужно съесть манной каши, чтобы внутри него выросли тонны костей? Много. А если в каше мало кальция, то ещё больше, а если в каше нет совсем кальция, то сколько ни ешь её, никаких костей не вырастет.

До мела, это так эпоху называют, было много кальция в воде, в земле, в траве, в травоядных, в рыбе, поэтому были

большие динозавры. После мела кальций ушёл на дно, откуда его не достать никак, поэтому динозавры стали вырастать маленькими. Если ребёнку не хватает кальция, фосфора, то высоким он не вырастет. С динозаврами то же самое.

Хотя и наша вина тоже есть в этой ситуации. Один большой тираннозавр, например, это тонна костей или три – не знаю, не взвешивал, не важно, – и сколько миллионов таких скелетищ осталось в земле и кальций из них почти не попадает обратно в воду, в землю, в еду.

Представим, что с Земли вдруг исчезнет весь кальций. Всё, никаких костей. Только червяки и медузы.

Мел кроме кальция состоит ещё и из углекислого газа. Наши учёные считают что этот газ парниковый, то есть чем его больше, тем теплее. Значит, чем больше мела создавалось в океане, тем холоднее становилось на Земле. Динозавры мёрзнут и недоедают, что тоже, понятное дело, их росту не помогает никак.

Если в атмосфере много углекислоты, то чаще должны выпадать кислотные дожди, которые хоть как-то помогали растворять скорлупу, кости. А если мало углекислоты, то кальций ещё лучше консервируется и в еду не попадает. Трудно учесть все факторы...

Теперь вы знаете, почему исчезли гигантские динозавры. Не метеорит упал на их пустые головы, а просто бактерии им сменили рацион. Ха-ха, так самые маленькие существа убрали с Земли самых больших! Парадокс!

Но с вашей помощью мы повернём процесс вспять. От вас вот что требуется. Вы встретитесь с Фораминиферой, очаруете её своими улыбками и убедите провести политические реформы. Основная мысль такая: у Империи нет и не может быть врагов, поэтому панцирь надо снять, голым быть хорошо, удобно, голым быть модно. На дне океана государство строит многочисленные заводы по переработке мела, кальций выбрасываем в океан, углекислый газ – в атмосферу. Под лозунгом защиты экологии. Пузырьки газа можно использовать как транспортное средство. Представляться будете как лучшие политконсультанты, политтехнологи из России. Я вам сейчас даже справку напишу... Настоящим подтверждается... лучшие... из России... Готово. Держите, думаю, на одноклеточных эта бумага произведёт впечатление. А теперь пойдёмте к берегу. Идти недалеко, – продолжал болтать юрист: – Конечно, мне можно не верить, но нельзя не верить цифрам. Если в год миллиард тонн кальция в виде мела оседает на дне океана и если он делает это сто миллионов лет, тогда окажется, что масса осаждённого кальция всего лишь в 60000 раз меньше массы Земли. Огромное количество! А если учесть, что в земной коре (не в ядре и не в мантии!) три процента кал...

В этот момент стопроцентный кал шлёпнулся на секретаря-юриста в количестве одного килограмма.

– Вот это правильно, не люблю математику, – сообщил Шприц Комарову.

– Это птеродактиль, подлец, Садитесь на эту согнутую пальму, а я сбегаю к воде, ополоснусь. Жрут что попало...

Комаров сел на пальму. Погладил ствол.

– Крепкая древесина. Знаешь, Гаврилыч, а я всегда мечтал стать политконсультантом. У меня это точно получится. Главным лозунгом любой политической силы должно быть слово свобода. Ведь именно свобода делает нас намного свободнее, чем несвобода. Как я пришёл к такому выводу? Это жизнь. Лучший учитель. Вот послушай мой рассказ и, я уверен, ты со мной полностью согласишься.

Рассказ Комарова о свободе

Как-то моя мама нашла на балконе синичку. Это было зимой. Синичка примёрзла к мокрому выстиранному белью. Мамаша отнесла птицу в дом. Накрыли её дырявой пластмассовой коробкой, чтобы не улетела. Она отогрелась. А когда мама пыталась дать ей воды, птичка вырвалась из коробки, полетела и разбила себе башку об оконное стекло. Сдохла значит... Другой случай был, летом уже. Папа подобрал где-то на улице двух птенцов. Стрижата. Выпали из гнезда, очевидно. Один почти сразу сдох, неудачно упал. А другой был здоров. Уезжая на выходные на дачу, маме вздумалось оставить его одного на балконе. Птенец на балконе сидеть не захотел, свалился, летать не умел, и первая попавшаяся кошка, конечно, его съела... И ещё у меня есть младший брат. Он решил жить отдельно. Дома за ним следили, пить-курить мешали. А один он спокойно курит и бухает каждый день... Не сдох ещё, но лучше бы сдох...

Скоро мокрый юрист вернулся:

– Пока я мылся, мне мысль в голову пришла. Птеродактиль этот... Это же ещё один древний способ доставки кальция из океана на сушу. А какой раньше помёт был, не помёт – цемент!

Вот вам по два камушка, положите по карманам. Взгля-

ните туда, видите коралловый островок? Это дворец Фораминиферы. Вам туда. Вокруг дворца коралловые стены, пойдёте вдоль них и найдёте перламутровые ворота, идите туда, справку покажете.

– А мы поплывём в бизнес-классе?

– Конечно, даже полетите.

Динозавр взял маленькой лапкой топор и стукнул им по натянутому канату. В это же мгновение пальма, на которой сидели милиционеры, резко распрямилась и они полетели в сторону кораллового дворца.

Императрица ест капусту

Они изящно парили над светлой гладью прибрежных вод, от которых отскакивали солнечные зайчики и прыгали по вдохновенным лицам смелых героев. На лице Гаврилы Гаврилыча были глаза. В его глазах светилась таинственная страсть и мелькал огонёк веры в высокий урожай. А в по-детски широко раскрытые глаза его друга, особенно в левый, попала муха. «Мелкие пустяки, это не страшно», – подумал Комаров, «Это тебе не страшно!» – подумала муха.

Лёгкие облака рождали в голове неразрешимые вопросы. Зачем это круглое солнце? Что там, за гранью добра и зла? Куда стремится будущее свои крылья?

Густой воздух подул сильнее снизу и храбрые герои рухнули в прозрачные воды. Вот так: плюх! И камнем пошли на дно. А второй-то куда девался? И двумя камнями пошли на дно.

В океане кипела жизнь, висели медузы, плавали рыбы, валялись ракушки. Ну да, пожалуй, не кипела, – ракушки подвели... Наша милиция шла вперёд. Под их ботинками скрипели кораллы и полипы. Скоро на их пути оказались коралловые стены, а потом и перламутровые ворота, которые оказались вделанной в стену большой винтовой ракушкой. Полезли в ракушку. Она оказалась на удивление просторной. Хотя они влезли в широкий конец ракушки, она почему-то

не сужалась, а расширялась.

– У меня, кажется, немного кожу стягивает, – сказал Комаров.

На самом деле им стянуло не только кожу. В конце ракушки их встретил белый стражник, он просмотрел их бумагу с печатью, после чего вызвал по рации циклобус, куда посадил гостей и пожелал успехов в личной жизни. Через окно плывущего циклобуса послы увидели огромную бесконечную скалу, лес из кораллов и водорослей, в котором плавали подводные лодки, похожие на рыб. Циклобус вплыл прямо во дворец, в одном из коридоров он остановился перед дверью с надписью:

ИМПЕРАТРИЦА

Часы приёма:

С 10:00 до 16:00.

Выходные: суббота, воскресенье и восьмерг.

В кабинете главы государства преобладал белый цвет. Шаурообразная фигура императрицы была покрыта белой мантией, а сверху белой короной.

– Как доехали? – начала Фораминифера без церемоний. – Хорошо. Как хорошо, что вы приехали! В последнее время я так завалена делами, что без опытных политконсультантов я просто погибну. Министры сами ничего решить не в состоянии. Извержение вулкана – ко мне, расплодились бандиты

у Утонувших Островов – ко мне, устрицы хулиганят – опять я! А вот взятки брать – со мной не советуются. Скажите, что мне делать с такими министрами?

– С устрицами я бы легко справился, хоть двести штук мне дай. А министров утопить надо, – посоветовал Комаров.

– Не получается, не тонут они. Из чего их только делают таких?!

– Это-то понятно, из чего...

– На то вы и консультанты, что вам всё понятно. А я, знаете, порой вообще ничего не понимаю. По правде сказать, у меня – только никому не говорите – и мозгов-то нет, вместо них лишь пищеварительная вакуоль, но это конечно слабая замена... Не хотите ли чего-нибудь перекусить. Давайте-ка пообедаем, сегодня на обед капуста, морская; белокочанную не просите, не растёт она в нашем климате. Повар может и мясо устрицы приготовить...

– Я согласен, – присоединился к разговору Шприц, – подкрепиться бы не помешало... Знаете, я с императрицами редко общаюсь, можно сказать, первый раз. Я думал, императрицы, они такие важные, высокомерные, а вы, оказывается, простая такая женщина, на маму мою похожи.

– Да, я простая. Даже больше скажу, не просто простая, я простейшая, вот я какая. Понимаете, как трудно мне с моими министрами? У меня такое ощущение, что они-то точно где-то мозгами обзавелись, но жаль только, что все их мысли направлены на то, чтобы меня обмануть, стащить чего-ни-

будь.

– Так это легко исправить. У нас в области коррупции вообще нет и не было никогда! И слова такого не знают! – брякнул вдруг Шприц.

– А-а-а!!! Не может быть!!! – вдруг закричала Фораминифера. – Какая глупость! А-а-а! О-ё-ё-й!

– Почему не может? Очень может быть, – обиделся Шприц. – Вы просто не знаете наших генералов. Я вас познакомлю, чудесные люди...

– А-а-а! Началось, – императрица нажала кнопку на столе, схватилась руками за живот и легла на пол. – Как неудобно, простите. Как я могла забыть! О-о-х...

– Шприц! Дурак! – заорал Комаров. – Ты убил её этим фактом!!!

Императрица стала вытягиваться в длину, её толстый живот исчез, появилась талия. Она стала похожа на две сардельки, которые тут же разделились. В этот момент прибежали слуги с полотенцами, водой, с зелёнкой и занялись монархиней. К каждому слуге подходил Шприц, показывал пальцем на Комарова и объяснял ситуацию:

– Это не я, это он. Арестуйте его. Это он императрицу распилил. Я сам видел... Чем? Глазами, чем же ещё?.. А! Пилил бензопилой. Спрятал куда-нибудь. Может быть, съел. Разрежьте живот ему да посмотрите, что, вам трудно, что ли?..

Наверное, это оказалось трудно и служители скоро ушли,

забрав с собой половину правительницы. Оставшаяся часть вслед им потребовала салат с капустой, что и было незамедлительно исполнено.

Тут же начался обед. Читатель непременно узнает все мельчайшие, но важнейшие подробности.

– А вы что подумали? Что я помирать собралась? – спросила Фораминифера, пережёвывая салат и слова. – Ну что вы! Я вообще такими делами не занимаюсь. Испугались наверное? Просто с вами заболталась и забыла, что пришло время уполониниться.

– Да нет, чего бояться-то, – Шприц дрожащей рукой непроизвольно колотил вилкой о тарелку. – Мы, русские люди, смело смотрим смерти в глаза!

– А скажите пожалуйста, товарищ императрица, – любопытствовал Комаров, – а правда ли врут, что вы не знаете старости, то есть совсем не стареете?

– Лёва, не задавай дурацких вопросов, ты же серьёзный политаналитик!

– Почему же дурацких? – защитила Лёву монархиня. – Это чистая правда. Сколько себя помню, за последние 70 миллионов лет я ни капельки не постарела; ни морщин, ни облысения...

Из раскрытых ртов политаналитиков медленно вылезла морская капуста и мокро шлёпнулась обратно в тарелки...

– При всём желании, – государыня задумчиво посмотрела в потолок, – сами посудите. От чего стареть-то? Инфаркт

миокарда? Нет сердца – нет и миокарда, а раз нет, значит и инфаркта не жди... Что ещё? Атеросклероз сосудов? Ни сердца ни сосудов нет. А без сосудов какой атеросклероз?.. Камни в почках? Цирроз печени? Ну нет у меня ни почек, ни печени, ни их содержимого... Много старческих болезней есть. Остеопороз, болезнь хрупких костей. Мне это не грозит. Во мне ни одной косточки нет и язык тоже без костей... Болезни нервов, мозга, паралич? Но я же не нервная клетка, я спокойная, рассудительная личность. А про мой мозг вы уже знаете и это просто смешно; не будет у меня ни инсультов, ни провалов памяти... Рак. Например, рак лёгкого, мечта всех курильщиков. Группа клеток начинает бешено делиться, уполовиниваться, отчего разрастается, забывает свою профессию, и сама не работает, и другим не даёт. В итоге курильщик окончательно задыхается и бросает наконец курить, а его самого бросают в могилку. Так вот, если я забуду свою профессию, то в государстве начнётся гражданская война, голод, наводнение, что угодно, но мне-то от этого ни тепло, ни холодно, ни старо, ни молодо. Так что старческие болезни – болезни многоклеточных организмов – мне не страшны.

Другое дело – инфекционные болезни, но это совсем другое дело. К старости это не имеет никакого отношения, заразиться может любой: и старый, и молодой. Банда вирусов, такое случается, проникает в клетку, размножается там до неприличия, устраивает полный погром, клетка лопается и

гибнет. Но это же никакое не старение, это же убийство и разбой, просто живодёрство! Поэтому я соблюдаю правила гигиены, избегаю случайных и специальных половых связей и вообще делаю зарядку.

Как видите, я не бессмертная, меня можно заморозить, распилить, как вы верно заметили, можно скушать наконец. Я могу стореть, боюсь, знаете ли, пожаров в последнее время... Меня может взорвать или облить серной кислотой какой-нибудь психически-больной или психически-жадный террорист. Если меня в космос запустить, то я конечно лопну. Да и без еды никак нельзя живому организму, в таком случае приходится впадать в спячку, окукливаться и ждать попутного ветра... Но все эти беды никак не связаны со старением. Так что, господин Комаров, старения я действительно не боюсь и это чистая правда... Я всё говорю и говорю и из-за этого не могу как следует пообедать. Да и вы салат не доели...

Засиделись мы тут с вами, а мне хочется успеть на съёмки моей любимой передачи. Пойдёмте, я познакомлю вас со своим личным стилистом. Оставьте же капусту наконец, я за вами потом доем.

Императрица кнопку на стене, тут же раскрылись двери широкого лифта, куда все трое и зашли. Лифт закрылся и толкнул в ноги. Монархиня не умолкала:

– А вам сколько лет?.. Сколько?.. Так мало? И за такой короткий срок вы успели стать лучшими в мире политкон-

сультантами? Удивительно! Я думала, и за миллион лет никакого опыта не накопишь.

– А мы обучались в лучших вузах страны.

– Вы таланты. А я как была в миллионлетнем возрасте глухой, так и сейчас не сильно поумнела. Зато меньше страхов, пустячных конфликтов. Я никого не обижаю и меня никто не обижает. Правда есть такие животные, динозавры, не слышали? Знаете, да? Жалуются на меня. Кальция им видите ли не хватает! Огромные топтуны, земля под ногами трещит, облуну головой стучаются, а им всё мало! Распускают про меня слухи, будто я у них кальций отбираю! Да на фиг он мне нужен?! Он вообще сам липнет, сам пристаёт и не спрашивает. Некоторые вещи в мире и в море происходят без моего желания, автоматически. Если вдруг захотелось чихнуть, то обязательно чихнёшь, криво, косо, через уши, но обязательно чихнёшь. Законы природы можно понять, но их невозможно отменить. А я их даже не понимаю. Никакого юридического закона, требующего накапливать кальций я не принимала. И если подпишу закон, запрещающий это, то всё равно ничего не изменится, только панцири у крабов от смеха полопаются. Поверьте мне, опытной законодательнице: чем меньше мы насилуем природу, тем лучше. Природа, это такая штука, только задумаешь её насиловать, как она сама тебя десять раз изнасилует и чучело сделает, ворон пугать...

Пилите, Шура, пилите

...Бывают такие товарищи: ему бы известняк добывать, а он в президенты лезет. А я прирождённая монархиня. Корона – настоящая, не золото какое-нибудь, не металлокерамика, без алмазов и изумрудов, но природного белого, символизирующего горячку цвета с перламутровым отливом как божественный знак отличия. И мантия – не подделка, не тряпка, раскрашенная на фабрике, а, как и корона, выросшая на благородном теле императорская регалия. Да будет вам известно, род Фораминифер божественного происхождения, не из вирусов и, уж будьте уверены, не из обезьян. Наша прародительница – Фораминиева – была создана богом из глины по своему образу и подобию.

Прямо у лифта государыню встречал стилист Шурик:

– Добро пожаловать, Ваше Величество, Вы как всегда прекрасны! Могу ли я быть чем-нибудь полезен Вам и Вашим спутникам?

– Можешь. Для начала выключи пафос. А потом пришей ребятам пуговицы, потерянные в неравных политических боях. Ребята, советую мундиры снять, иначе ходить вам с дырявыми пузами.

Императрица уселась в большом кресле перед широким зеркалом.

– Корону на пару сантиметров короче сделай. И отшли-

фуй, как следует, чтобы за подушку не цеплялась. Цирюльник сбрызнул водой монаршую голову и включил инструмент. Болгарка завизжала, как бормашина, и на паркет посыпались кусочки короны. Крошки засыпали мантию. Царица сняла старую мантию, под которой росла новая, более короткая и тонкая. Стилист украсил императрицу коралловыми бусами. Пока он пришивал к мундирам розовые пуговицы, императрица говорила:

– Почему растёт панцирь? Об этом будет передача.

Глубокий смысл

Телеканал ФорТВ представляет. В эфире передача «Глубокий смысл». С каждым разом загадки, которые нас интересуют, становятся всё сложнее и сложнее, а значит интереснее. Так давайте ещё раз на два часа забудем о повседневных заботах и с наслаждением погрузимся в мир бесконечной логичности и кажущегося хаоса, за которым скрывается не понятая нами закономерность. Мы побывали везде: мы облетели Луну, покорили Эверест, спускались в кратер вулкана – а сегодня мы обратим внимание на самих себя, раз уж мы такие замечательные.

В чём причина появления панциря у фораминифер? Можно сказать уверенно, что этот вопрос касается каждого, кто нас сейчас слышит. Как растёт панцирь, из чего состоит, не мешает ли почесаться, в чём смысл жизни – эти и другие вопросы мы обсудим сегодня с профессорами Фиологовой и Фимиковой.

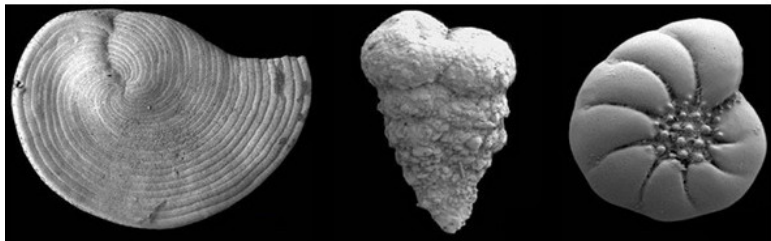
Фопросова:

Госпожа Фиологова, в чём вы как профессор биологии видите главные причины появления такого органа как панцирь?

Фиологова:

Панцирь лучше рассматривать не как орган, а как нарост. А образуется он конечно из мусора, из ненужных отходов на-

шего организма. Любое живое существо отличается от неживого предмета движением, внешним или внутренним. Для всякого движения требуется энергия. Энергию мы с вами получаем с пищей. Это общеизвестно. Так вот, энергия получается только если пища сгорает в наши теле. При сгорании образуется углекислый газ, который мы выдыхаем, потому что он нам не нужен. Как в машине: заливаем топливо в бензобак – из выхлопной трубы идёт газ, тоже, между прочим углекислый. И как только углекислый газ вылетает из нас, он соединяется с кальцием, которого в океане предостаточно (не знаю, что будет через 70 миллионов лет, но сейчас хватает). Получается, выражаясь научно, углекислый кальций или карбонат кальция, CaCO_3 , а это и есть наш родной панцирь – сплошной мел, которым мы завалили океанское дно. Углекислота и кальций и панцирь готов. Как видите, всё очень просто.

Фораминиферы.

Фопросова:

Ну где же просто? У меня возникает много вопросов. Ответьте хотя бы на такой: почему у нас, фораминифер, панцирь есть, а у водоросли, например, нету, хотя она живёт с нами в одном океане, она живая, ей требуется энергия для движения, пища?

Фиологова:

Мы – животные, а водоросль – растение. Она не выделяет углекислоту, а наоборот – впитывает, для того чтобы сделать из неё белки, жиры и углеводы, которые мы так любим кушать. А энергию водоросль получает от солнечного света; можно сказать, в неё встроены батареи, у нас таких нет. Растения вдыхают углекислоту и делают из неё жиры-углеводы, животные же разрушают жиры-углеводы и выдыхают углекислоту.

Поэтому главное! Никогда у растений не будет мелового панциря! И наоборот, меловой панцирь всегда будут иметь все животные клетки (конечно, если вокруг достаточно кальция).

Фопросова:

Все, все, все?

Фиологова:

Все, все, все...

Фопросова:

А почему тогда у нашего братского народа, у пресноводных амёб, не растёт панцирь? Они ведь тоже животные клетки.

Фиологова:

Так я же говорю, в воде должен быть кальций, а в пресной воде почти никаких солей нет, в том числе и кальциевых. Если амёба будет жить с нами, я думаю, и она обростёт панцирем. Надо будет провести такой эксперимент. Есть у меня знакомая нудистка амёба в Бульонском озере, приглашу-ка её надолго в гости.

Фопросова:

Да, у нас нудистом быть не легко. А может ли панцирь вырасти не снаружи, а внутри клетки, как череп под кожей у особо продвинутых? Ведь если углекислота образуется в клетке, значит внутри клетки её должно быть ещё больше, чем снаружи. Или внутри мало кальция?

Фиологова:

Вы правы, кальция мало. Мало, потому что кальциевые насосы высасывают его из клетки. В оболочку клетки, в мембрану, встроены разные насосы, нужное всасывают, ненужное высасывают. Эти полезные насосы появились в результате естественного отбора. Знаете, если мы с вами живём, значит мы не так уж плохо устроены. Миллионы наших прабабушек совершенствовались не зря. Представьте, что этих насосов бы не было. Вся эта броня стала бы собираться внутри нас, где попало: на ядре, на хромосомах. Мы бы превра-

тились в погремушки. Углекислый кальций бы засорил все входы и выходы; как песок в моторе, он нарушил бы все клеточные жизненно-важные процессы. Употребить кальций на что-нибудь полезное не получается, он не входит а состав ДНК, его нет ни в углеводах, ни в жирах. Иногда он попадает в белках, возможно туда его взяли от отчаяния, лишь бы под ногами не мешался. Не нужен кальций. Поэтому намного веселее жить с кальциевым насосом.

Из-за этих насосов кальция вокруг клетки находится даже больше, чем обычно. Это ещё одна причина, по которой панцирь нарастает снаружи. Но это терпимо.

Фопросова:

Вы сказали, нарастает снаружи. Но как именно? Панцирь же не сразу появляется. Он растёт изнутри, со стороны клетки или извне, со стороны солёной океанской воды?

Фиологова:

Изнутри, конечно. Больше углекислоты и кальция изнутри, чем снаружи.

Фимикова:

Уважаемая ведущая, а почему я не участвую в разговоре? Зачем тогда меня надо было звать, отрывать от моих важных химических опытов? Подобные приёмчики у вас на ТВ приняты, мы знаем. Пригласят в эфир десять человек, мол, свобода слова у нас, а каждому в лучшем случае достанется лишь три минуты. Это в политических передачах принято, теперь, видимо, решили ту же традицию в другие передачи

внедрить?

Фопросова:

Простите пожалуйста. Вас подключить к беседе я как раз собиралась после пятиминутки дружбы. Сейчас самое время её провести. Уважаемые зрители в студии, возьмитесь за руки, вся наша страна – одна семья! Мы любим друг друга! Милые дамы, Фимикова и Фиологова, давайте и мы за руки возьмёмся. Призываю и наших телезрителей проявить этот простой жест дружбы. Если рядом никого нет, положите руки на экран. Подумайте о чём-нибудь добром. Подумайте о нашей государыне. Видите, как приятно... Ну ладно, достаточно. Можете разомкнуть руки, а то ведь из студии выйти не сможете. Продолжаем передачу. Мадам Фимикова, Почему именно кальций? Почему из всей таблицы Менделеева на главную роль в этом фильме невидимым режиссёром был выбран именно кальций? Чем он лучше других?

Фимикова:

Отвечу. Но сначала опыт. Принесите пожалуйста реактивы... Спасибо. Вот я беру чистый стакан, закрываю его фильтром. Заливаю теперь через фильтр в стакан прозрачную жидкость. Фильтр легко пропускает жидкость. Добавлю теперь в стакан другую прозрачную жидкость, тоже сквозь фильтр. Смотрим в стакан. Раствор стал мутным. Скоро мы увидим осадок, углекислый кальций. Это то самое вещество, из которого образуется наш панцирь. Вы спросили, почему кальций, а не что-нибудь ещё. Во-первых, его много. Во-вто-

рых, он растворён в океане, он жидкий, но он может быстро из жидкого превратиться в твёрдого. Он это делает благодаря своей двухвалентности...

Фопросова:

Простите, не слишком ли сложные слова Вы употребляете? Не испугаются ли наши телезрители, не полезут ли под кровать? Нельзя ли попроще?

Фимикова:

Проще некуда. Двухвалентность не сложнее одновалентности. А для тех, кто не знает, из чего он сам состоит, самое место под кроватью в компании с домашними животными. А кальций – удивительный элемент и узнать о нём было бы не только интересно, но и полезно для здоровья. Что в стакане? Ну вот, осадок опустился на дно. Не убирая фильтра, я переворачиваю стакан, жидкость выливается, а осадок остаётся в стакане и на фильтре. Что произошло? В жидком виде мел проник в стакан, но там он кристаллизовался, стал большим, тяжёлым и выйти уже не может. То же самое получается во многих животных, в результате чего они стареют... Но сейчас меня интересует, как получается осадок. Кальций – двурукий, то есть двухвалентный. Как и мы, он тоже может взять за руки соседа справа и слева. И когда их много, получается длинная тяжёлая цепочка. В стакан сквозь фильтр Кальций с лёгкостью проник, так как держал за руки двух инвалидов, два однорукие-одновалентные атома Хлора. Инвалиды Хлоры не могли больше никого взять за руки, поэтому они втро-

ём, Хлор-Кальций-Хлор, легко пролезли сквозь маленькие отверстия фильтра. Но в стакане Кальций встретил прекрасную двурукую-двухвалентную Углекислоту. Влюбился и всё такое. Бросил, понятное дело, двух своих приятелей инвалидов, схватил в одну руку Углекислоту, а другой рукой взял её сестру. И хотел Кальций уже выскочить с двумя своими новыми подругами в окно фильтра, но... Подруги-то его тоже двурукие и тоже влюбчивые. Они тоже свободной рукой подцепили себе второго приятеля. И так далее. Кальций – Углекислота – Кальций – Углекислота – Кальций – Углекислота – Кальций – Уг... И такая толпа народа сначала пошла на дно, грести-то нечем, а когда я сливала раствор, они не смогли протиснуться в маленькие окошечки фильтра... Наш панцирь растёт по тому же принципу. Жидкие кальций и углекислота осаждаются на панцире, постепенно утолщая его.

Мне кажется, мы должны больше знать о таких малышах, как кальций. Иногда мне кажется, что чем меньше существо, тем большей властью оно обладает. Я уверена, что мы находимся в полной власти маленьких частиц. Мы стали слишком заносчивыми. Нам кажется, что мы, великие одноклеточные, всё можем, что нам всё подвластно. А вот почему я сейчас говорю именно эти слова? Почему у меня чешется левый бок? Это я так хочу или так сложились частицы? И что такое ХОЧУ? Что это, если не какая-то сложная комбинация веществ внутри нас? Кто её выстроил? Точно не мы... Частицы движутся, соединяются в большие группы или раз-

деляются, живут по своим законам, нас не спрашивают, не знают и знать не хотят, а кто мы? Мы лишь скопления частиц. Они наши настоящие правители...

В правительственной селёдке

– Что? Это неслыханная дерзость! Я не позволю, чтобы мною командовала какая-то мелюзга! Слышать не хочу ни о каких законах – у нас прекрасные законы и прекрасная императрица, то есть я, и никакие другие начальники мне здесь не нужны! Пусть оставят свои желания при себе. За такие слова нужно беспощадно и немедленно карать! Я приказываю навести порядок самыми жестокими методами. Власть в этой стране будет принадлежать только мне! Так им и передайте, – говорила Фораминифера в телефон императорской связи.

Во время съёмки телепередачи ей поступило сообщение о каких-то беспорядках.

– Не о каких-то, а о самых возмутительных беспорядках. Кому-то в Солнечной провинции очень напекло голову. Мои генералы очень храбрые, у них много пулемётов, но им нужны грамотные руководители. Стратеги. Эта почётная обязанность возлагается на вас. Правительственная селёдка ждёт. Она доставит вас в ставку.

Из телестудии слуги проводили стратегов до селёдки. Огромная селёдка стояла у пристани, вместо трапа высунув длинный язык. На пристани их ждали двое. Один из них, молодой, высокий, в военной форме и фуражке, обратился к консультантам так:

– Многоуважаемые императорские советники, я – капитан этого судна, этого чуда техники, всегда к вашим услугам. А это, – капитан ткнул пальцем в взлохмаченного очкарика в белом халате с ноутбуком, – главный императорский инженер Фелёдкин, субъект дикий и вялый, но за незнание суммы углов шестиугольника активно презирает. Он к вашим услугам не готов. Знакомьтесь. А лучше давайте я вас провожу в свою кабину. Мы срочно отплываем.

По языку все четверо поднялись в селёдкину кабину-голову. Селёдка закрыла рот и, виляя хвостом, отчалила. Через огромное круглое окно можно было видеть, куда она плывёт. Капитан уселся на кресло перед панелью приборов с экранами, стрелками, кнопками. Инженер Фелёдкин по-хозяйски оглядел помещение, потрогал, пощупал, сел рядом с капитаном и спросил:

– Ну как моя селёдочка? Не капризничает? Всё-таки новая модель, всего не учтёшь.

– Отличная модель, и скорость, и маневренность, обтекаемость. Даже не верится, что в одиночку можно такую машину спроектировать. И как это у вас получилось? Это же невероятно!

– Ничего особенного. Я занимаюсь проектированием многоклеточных машин уже семь миллионов лет. Некоторые за семь дней мира создают, а я только парочку механизмов. Да и рано мою работу хвалить, неизвестно, какие болячки у неё в будущем появятся. Не может быть, чтобы у такой боль-

шой конструкции не было недостатков, долго ещё её надо будет до ума доводить, проверять, настраивать. Неужто всё работает идеально? Честное слово, самую злобную критику я выслушаю сейчас с большим удовольствием, чем самые искренние комплименты.

– Слышал я критику. Девки жалуются, что голыми работать приходится. Но разве это критика? Тут ведь с какой стороны смотреть...

– А что они жалуются? Мёрзнут, что ли?

– Да глупые девки! Что, вы не знаете наших девок? Сами не знают, чего хотят. «Это неприлично! Это не модно! Даже карманов нет, хоть рубашку дайте. Чем мы хуже одноклеточных?» Вот что они говорят.

– Какое невежество! Они, наверное, даже не знают сумму углов шестиугольника! Вот с кем приходится работать! – воскликнул инженер и посмотрел на политконсультантов. Те понимающе кивали. – «Чем мы хуже одноклеточных!» Вот до чего доводит чтение ценников в магазинах вместо учебника биологии. Если вы будете, как одноклеточные, то селёдка развалится на десять миллиардов одноклеточных. Девки, вы слышите? Вы другие! Они слышат?

– Можно сделать так, чтобы слышали. Включим трансляцию, – сказал капитан.

– Одноклеточным не нужно друг за друга держаться, а вам нужно. Панцирь или пижама с розочками будут этому мешать. Они слышат?

– Да.

– Вы знаете, что панцирь одноклеточных шершавый и твёрдый, что он состоит из острых кристаллов? А ведь вам приходится двигаться, тереться друг о друга. Вы же перестарапаете друг друга, а кого-нибудь в давке и вообще на-смерть раздавить сможете, если оденетесь, как одноклеточ-ные. К тому же панцирь растёт до тех пор, пока форамини-фера, например, жива. Вы что? телевизор что ли не смотре-те? Со временем вы окажетесь замурованы в собственных одеждах. А ведь вам нужно будет ещё как-то дышать и пи-таться, когда у вас во рту брезентовый носок. И нужно бу-дет... м-м-м, как бы по-литературнее выразиться... пользо-ваться канализацией, когда у вас в... В общем, вы поняли. Голыми работать лучше. И для этого пришлось приложить немалые усилия. Нужны были конкретные мясные механиз-мы. Какие? По порядку. Я инженер, остроумный и рассуди-тельный не по годам. Я сказал себе: фораминифера в океан-ской воде обрастает панцирем, углекислым кальцием. Если в крови будет столько же углекислоты и кальция, сколько и в океанской воде, то селёдочные клетки тоже обрастут пан-цирем, что плохо. Нельзя поменять законы химии, но можно поменять условия. Я решил убрать из крови углекислоту и кальций. Очищать кровь от углекислоты я решил в жабрах. А из кальция я решил сделать чешую. Всё равно от него тол-ку нет, так пусть он хотя бы защищает мою интеллектуаль-ную собственность. Но оставалось ещё много кальция. Тогда

я задумал использовать его так: укрепить моё оригинальное творение костями. Но всё равно оставалось ещё много кальция! И тогда я в ярости закричал ему: долго ты ещё будешь издеваться надо мною, бандит!!!

– Ему надо было по почкам надавать, – предположил Комаров.

– Надо было. Но почек ещё не было. И тогда я решил изобрести почки. Они должны были очищать кровь от кальция и других вредных веществ. И пока очищают вроде бы...

На панели приборов загорелась жёлтая лампочка и раздался звук «пи-пи-пи-пи». Капитан нажал на кнопку и цветомузыка прекратилась.

– Вот, освободили мочевой пузырь, – продолжал инженер. – Почки работают, очищают. Но полностью избавиться невозможно. Можно толь уменьшить его количество. Ведь селёдке требуется питание, а в любом океанском корме немало кальция, который из желудка с кормом попадает прямо в кровь (кстати, зубы я тоже сделал из кальция). Поэтому я не очень спокоен. Пока машина новая, она работает неплохо, но что будет дальше, я не знаю.

– А я знаю, – капитан смотрел на приборы. – Стрелки сошли с ума, будет буря. Сама природа возмущается злодеяниями бунтовщиков.

Торнадо

К вечеру ветер со стороны океана подул сильнее. На юге появились тёмные тучи. Темнели небо и океан. Недовольно зашумели трава, кусты, пальмы, растущие недалеко от воды. На одной из пальм сидел человек и смотрел на всё более и более высокие волны, набегающие на берег. Человеку было грустно, он не пил около суток, а не ел ещё больше. Ему, уже седенькому и лысенькому, было около семидесяти лет. Но он ещё был бодр и свеж. Он отворачивался от океана и печально смотрел в свои руки. Там был покусанный кокос. Старик погрыз его ещё немного и сказал:

– Прочный фрукт, не придерёшься. Райское наслаждение. Моя рубашка вкуснее будет! Рубашку съесть, что ли? Куда меня занесло! На пальму, на семьдесят миллионов лет назад, меня – всемирно известного учёного, профессора гинекологии и акушерства и всего такого, самого интересного. И ветер дует и нет ничего вкуснее пальмовых листьев... Ладно палеонтологи, ладно биологи, но меня-то какой чёрт потянул за уши в эту древность? Я-то тут что забыл? Гинеколог тут никому не нужен, тут бы психиатр не помешал бы. Мне... Ну всё, сейчас тебе мозги промуют, профессор, готовься. Лучше бы меня вместе с другими съели.

На юге появился столб воды, растущий из океана. Он быстро приближался к берегу в сопровождении дождя и вет-

ра. Торнадо, как казнокрад деньги, всасывал в себя океанскую воду со всеми обитателями. Ветер явно не любил гинекологов. Полчаса вцепившегося в листья профессора кидало из стороны в сторону. И если бы он не был так голоден, его бы обязательно стошнило и не один раз. Кокос, который он грыз почти целый день, потерялся. Торнадо прошёл стороной и оставил после себя только ливень. Ветер стихал.

В качестве извинения за причинённые неудобства торнадо прислал небольшую рыбёшку. Она шлёпнулась в свёрнутый в воронку пальмовый лист, в который профессор собирал дождевую воду, чтобы напиться. Не долго думая, он засунул рыбку в рот и с удовольствием, чавкая и причмокивая, съел целиком.

– А ещё будет? – спросил профессор и посмотрел в тёмное мокрое небо. – Одной рыбкой сыт не будешь. Если бы это был пирог с рыбой, можно было бы ещё здесь посидеть. А так я с голодухи помру. Надо рисковать. Буря разогнала динозавров; может быть, в темноте мне удастся пробраться к машине времени незамеченным. Профессор Фрауэр, обняв ствол, соскользнул на мокрую землю. Пригнувшись и стараясь не шуметь, он осторожно побежал к машине времени.

Торнадо в селёдке

Комаров и Шприц придумывали для бунтовщиков изощрённые казни. Это было приятно. Но вдруг их тряхнуло и завертело. Они ногтями вцепились в красный круглый диван, на котором сидели. Перед глазами всё закружилось. Вместе с диваном они провалились куда-то, их тут же подхватил быстрый поток и они решительно понеслись в неизведанные селёдочные пространства. Вокруг них плавали какие-то матрасы, подушки и такие же красные диваны. Чтобы их не задавило, они вжались в свою круглую лодку с головой.

– У них что там? мебельный магазин затопило, что ли? – подумалось Шприцу.

Сначала пульсирующий поток стал расширяться, потом стал сужаться и в конце концов смелых путешественников занесло в какую-то трубу. Пролетев трубу, они очутились в небольшом спортивном зале. Диван упёрся в тяжёлую штангу.

На спортивных тренажёрах занимались действительно абсолютно голые девки. Или, лучше сказать, красивые, натренированные, но всё равно голые, как правда, девушки. Высокие, вспотевшие, они опускали на грудь штангу и поднимали, или приседали с ней, или лёжа на животе, пятками поднимали привязанный груз. Ни в чём себе не отказывали. И никакого внимания не обращали на незваных гостей. Гости

же, воспитанные в духе непротivления злу насилием и обладавшие тонкой ранимой психикой, оглушённые информационными перегрузками, явно интеллектуально капитулировали. В их круглых глазах бессмысленно, как у хамелеона, медленно перемещались зрачки. Всё стало, как в тумане. «Это у них от переутомления, – услышали они расплывающийся туманный голос. – Дайте им сладкой воды». Вдруг туман их сильно потрянул. К Шприцу вернулось что-то похожее на сознание. Сквозь гул и гудение ему послышалось чавканье и причмокивание.

– Комаров, закрой рот, не чавкай, – промычал он. И посмотрел на приятеля. – Нашёл время... Чего это у тебя такая кислая рожа?

Сказав это Шприц и сам почувствовал кислый вкус во рту и скорчил кислую мину. Голые спортсменки плавно растворялись вместе с тренажёрами. В тумане незаметно растаяли стены спортзала, диван и всё остальное. Два друга оказались в мутном дыме без всякой опоры и ориентира. Не было даже компаса.

Тут их засосало в какую-то трубу. Их подхватил пульсирующий поток и снова потащил куда-то. На головы им вдруг грохнулся красный диван, чем сильно обрадовал. Как только они удобно на нём уселись, перед ними появился полицейский в незнакомой форме. И нацелил на них свой автомат.

Внутренний мир старика Фрауэра

– Кто вы такие? – грубовато с несильным немецким акцентом спросил полисмен. – Кажется, вы чужеродные организмы.

– Мы свои, честное слово, свои, господин полицейский. Хайль Гитлер, – растерянно пробормотал Шприц.

– Что-то я не припомню таких своих. Подозрительные у вас физиономии. Вы что? сперматозоиды?

– Да, да, господин полицейский, мы сперматозоиды, свои, уже давно.

– Тогда какого чёрта вы шлёетесь в районе желудка? Ещё попадёте мне на глаза – пожалеете! А ну марш домой! Живо!

– Конечно, конечно, мы как раз шли домой, заблудились, – оправдывался Шприц. – Извините, мерси... Гребни Комаров!

Когда страж порядка исчез из вида, Комаров спросил:

– Куда он нас послал?

– Не знаю, брат, но мы должны туда попасть, слышишь, должны! Иначе мы очень пожалеем, себя пожалеем!

У полковника началась истерика. От волнения и неуверенности в завтрашнем дне он стал грызть обивку дивана, потом руками рванул выглянувшую верёвку, мотор хищно затарахтел, диван, задрвав нос, быстро набрал скорость и мужественные герои решительно понеслись в неизведанные фраэровские дали. Когда их занесло в огромный расширя-

ющийся ангар, Шприц успел только сказать: «Комаров, я понял. Кажется наш район оккупировали немцы. Вон, стены и ворота побелили», – и ангар сжался и выбросил их. Скоро они очутились в ещё одном спортзале. Это судьба, это трагедия... На тренажёрах мучились пенсионерки. Задыхаясь, кричтя, но они качали железо, хотя ноги срывались с педалей велотренажёров, гантели вываливались из рук. Они тоже были голые? Да нет же. Не волнуйтесь. Совсем не голые. Они были замотаны с ног до головы белыми бинтами и тряпками. Комаров предложил:

– Гаврилыч, может к предыдущим спортсменкам вернёмся?

– Не забывай кто мы и куда едем. Мы не спортсмены.

Неожиданно одна молчаливая старушка, у которой во рту был кляп, шлёпнулась, потеряв сознание. При этом штанга, которую она пыталась поднять, покатила и наехала железным блином на ногу Шприцу.

– А-я-я-й!!! Что за наезды на милицию?!

– Это голодный обморок, – пояснила самая бодрая из тяжелоатлетов, еле ворочавшая язык.

– Это голодный терроризм! Нападение на сотрудника милиции при исполнении тяжёлых обязанностей! Комаров, здесь опасно находиться, приказываю отступить ввиду численного превосходства противника. По диванам!

И снова в путь, и снова на их пути ангар с замазанными извёсткой стенами. «Ангаров много, – думал Шприц, – но

почему-то нет ни одного самолёта. Может, немцы их в свой Стокгольм перегнали?»

Конечно, перегнали, они же летают. А вот небоскрёбы не летают, им не нужно – они уже в небе. В один из таких домов-гигантов угодили наши интеллектуалы юстиции. Где чуть не поплатились жизнью за эту ошибку. Их засосало в открытую входную дверь подъезда и без всякого лифта понесло над лестницей к вершине огромной белой многоэтажки. На семидесятом этаже оказался завал и диван, зацепившись за острый крюк, лопнул. Взрывом пассажиров отбросило в коридор. А здесь их за шиворот поднял суровый мужик в оранжевой строительной каске и таком же жилете.

– Что за АНТРАКЦИОН?! Работа стоит, а они катаются! Фагоцитов на вас нет! Они ещё и технику безопасности нарушают!!! Жить надоело? Каски на голову и за мной!

Он повёл их по грязному коридору. Повсюду валялась штукатурка, повсюду пыль, мусор, мешки с цементом, ведро с извёсткой, носилки. Он завёл их в какую-то комнату, довольно тесную.

– Меня просто распирает от желания поработать. Я, Костя Областнов – лучший работник в мире. За семьдесят лет работы ни одного выходного! Класть кирпичи – что может быть интереснее? Ты, длинный, цемент мешай, а ты, толстый, ему не мешай, извёстку разводи. Вот что плохо: в последнее время свободного места стало не хватать. Стройматериалов навалом, хоть ешь, а класть их некуда, все стены кирпичом

в три слоя обложили. Нарушение инструкций, по проекту не предусмотрено, а что делать? Под коврик не спрячешь. Стройку расширять надо, новые объекты возводить, а в главстройуправе молчат, сырьё шлют и молчат. Да я бы целый город ещё построил, только места дай. А в последнее время стали странные вещи происходить...

Комаров оторвался от корыта с цементом и посмотрел, как работает Костя. Такого он раньше не видел. Левой рукой Костя шлёпал на стену цемент, а правой, как фокусник, вытаскивал из карманов жилета кирпичи и укладывал в ряд. Причём делал это всё со скоростью пропеллера, а кирпичи у фокусника не кончались. Увлёкшись, Областнов заложил кирпичом дверной проём и неуклонно подбирался к окну.

– Длинный, подай-ка ещё фосфорного цемента, – обратился он к Комарову. – Так вот. Не пойму, что происходит. Куда-то все пропадать стали. Раньше друг у друга по головам ходили, а сейчас за обедом послать некого, словно вымерли, словно завалило всех. Я ведь знаю своих коллег, они ведь тоже любят свою работу. Куда пропали? Непонятно. А ночью мне голоса мерещатся, будто меня зовёт кто-то, глухо, как из подвала. Теперь я даже не два, а один час сплю. Устаю, работаю за десятерых, поэтому и ошибки стал за собой замечать. Иной раз вентиляционную шахту или душевую комнату кирпичом заложу, а замечаю только когда помыться иду. А однажды кирпичи девать некуда было, так я их на балконе сложил, а он не выдержал. Рухнул с грохотом страшным! Я

потом покажу это место, там ещё не убрано. Да, хорошего помаленьку. А плохого вообще не надо. Убирать тоже некому, проблемы с транспааааа...

За время короткого разговора Костя заложил кирпичом и окно. Трое оказались замурованы. С четырёх сторон стояли одинаковые стены из белого кирпича, сцепленного быстрозатвердевающим цементом. Ещё несколько минут и из каменной коробки не выйдет даже Дэвид Копперфильд. Неужто так глупо закончится жизнь двух прогрессивных естествоиспытателей? Третий дурак не считается, так ему и надо... Неужто солнце навсегда погаснет для них на рассвете их творческих способностей? Неужто богатый мир старика Фрауэра навечно похоронит два бесконечных внутренних мира? Неужто на следующих страницах мы не найдём ничего кроме двух слёзных эпитафий, а также рекламы средств для похудения и быстрозатвердевающего цемента с бесплатной доставкой? Неет, не бывать этому! Не будут рыдать доярки со свинофермы «Запах розы». Нет хлюпиков в российской милиции, а есть только образцы НАСТОЙКОСТИ и выдержки, и какой выдержки! Их не способна остановить броня российского законодательства – как сможет их остановить какая-то жалкая кирпичная стенка? Нет такой преграды, которую не смог бы преодолеть интеллект трезвого человека!

– Лёва, мы оказались замурованы. Для решения этой проблемы мало будет просто приложить усилия, нужно будет

приложить ещё и голову, – громко подумал Шприц.

– Так точно, товарищ полковник. Меня этому учили с детства.

По-спринтерски оттолкнувшись от стены и мгновенно набрав первую космическую скорость, Комаров полетел так, как летают только супермены и скелетонисты. Хрупкое строение не выдержало мощного мозгового штурма. А ведь был только один шанс из ста, что Комаров попадёт точно в дверной проём! А ведь он попал точно в другие девяносто девять! И даже если бы на его голове, натренированной на досках и бутылках, не было строительной каски, – даже тогда бы в этом неравном поединке у ничтожной, хлипкой стеночки всё равно бы не было вообще никаких шансов. Эх, жаль, что на комаровской голове была каска, а то бы вы сами в этом убедились.

За Комаровым через дыру в стене пролез Шприц. Через соседнюю комнату они поспешили выйти в коридор. Опасно находиться рядом с чрезмерно трудолюбивым работником. Снизу взлетал диван. Они запрыгнули в него и стали взлетать вместе. На этот раз успешно продравшись сквозь завалы, они выехали из белой берцовой многоэтажки.

В какой-то момент русло разделилось на два жёлоба – на красный и жёлтый. Диван с пассажирами поплыл по красному, в жёлтый проплыть было нельзя: мешала сетка. Желоба не разбежались, а шли рядом, параллельно. На площадках между желобами сидели старушки с большими клизма-

ми. Они сжимали клизмы, погружали в жёлтый поток, а наполненные клизмы выбрызгивали в красный поток.

Диван зацепился за острый прибрежный камень и лопнул. Пришлось вылезти на площадку. Одна из старушек с трясущимися руками случайно брызнула на Комарова.

– Гляди, старая, куда льёшь! – вежливо крикнул Лёва. Чем привлёк внимание начальницы предприятия. Она подошла:

– Кто такие? Можете не отвечать. Сама вижу: бездельники и хулиганы. Сначала вылечим вас от безделья. Вчера умерли две наших лучших сотрудницы, вот вам их инструмент, держите. Тебе сахарная клизма, будешь глюкозу перекачивать, а тебе, – обратилась она к Шприцу, – соленая клизма, высасывай натрий из жёлтого жёлоба, выливай в красный и не спрашивай зачем, а то я же объяснять начну.

И вот, драгоценные кадры МВД, те самые, от одного имени которых у преступных авторитетов Иркутска (а все они уважаемые в городе люди) начинался острый приступ энуреза, – не задумываясь, взяли в чистые руки потёртые клизмы и взялись за полезную для старика Фрауэра работу.

Любопытный читатель может спросить, а почему наши герои такие покорные? Может быть они дураки, слюнтяи и трусы? Ну конечно же нет! Уверяю, это смелые, непреклонные гении, примерно моего уровня. Просто они дети своего народа, они очень любят работать.

– Когда человек понимает, что его работа нужна и важна, он работает веселее и энтузиазнее, – сообщила начальница

цеха. – Поэтому я всё-таки объясню, почему так важна наша работа.

Перекрикивая плеск жидкостей она начала такую речь:

– Главная проблема в том, что пища, которую ест человек, несовершенна. И призваны решать эту проблему мы. Пища состоит из веществ вредных и полезных, причём полезные внутри превращаются во вредные. Значит пища состоит из веществ вредных и вредных. Если бы не было нас, почек, что бы было?

Пил бы человек воду, пил, а вылить бы из себя не смог. Лопнул бы человек. И валялся бы он в виде маленьких кусочков на обширной территории. И, о ужас! он даже не смог бы пойти на футбол, настолько он был бы растерян.

Вот что было бы. Поэтому мы удаляем лишнюю воду.

Порочащих сведений о жирах и углеводах не имею. В организме они сгорают до углекислого газа, который выдыхается лёгкими, мы тут не причём, не будем им мешать. Кроме углекислого газа от жиров и углеводов ничего не остаётся, поэтому нам они сейчас не интересны.

А вот белки – другое дело. Когда они сгорают в организме, кроме углекислого газа и воды образуется ещё и мочевины, а её лёгкие никак не выдохнут, летать она не умеет – только плавать. Смотрите в жёлтый ручей – вон она булькается, мочевины. Так вот если бы не было почек, если бы мы не выбрасывали мочевины, что бы было? Ел бы человек белки, а мочевины накапливалась бы и накапливалась. Человек мед-

ленно бы превращался в жёлтого, но вонючего цыплёнка. В конце концов он превратился бы в полный горшок мочевины, в котором беспомощно барахтались бы глаза там, ну ещё косточки, уши всякие. И на футбол, конечно, в таком виде уже не пойдёшь – запнёшься и разбрызгаешься.

Вот что было бы. Поэтому мы удаляем мочевину. Белки нам нужны для замены отработавших, для ремонта...

В эту минуту речь начальницы прервалась криками старушки, бежавшей из трубы, в которую уходил жёлтый поток. Кричала так:

– Заговорил! Заговорил! Это знамение! Фрау Нефроу, спасите! Что с нами будет-то теперь? Куда бежать? Что покупать? Камень заговорил!

Фрау Нефроу не разделяла оптимизма паникёрши.

– Что ты орёшь? Ты же не в глотке. Аммиак понюхай, успокойся. И спокойно всё объясни. О чём говорил минерал?

– Тесно ему, просит, чтобы ему просторнее квартиру предоставили.

– Иш какой находчивый! Может, ему и яхту с самолётом надо? Передай ему, чтобы поменьше острил. А ты иди и понюхай аммиак...

Так, на чём я остановилась? Наша пища не совершенна. От пищи нам прежде всего нужна энергия. Но не воткнешь же два пальца в салат, как вилку в розетку для подзарядки. Его нужно съесть целиком, с полезными веществами и

ненужными.

Что такое полезные? В них энергия заключена. Как заключена? Как в игрушечном пистолетике. У братика моего был пистолетик, который стрелял не пульками, а стрелой с присоской на конце. Так вот, чтобы он выстрелил, его надо было зарядить, с усилием вдавить стрелу с присоской в дуло пистолета. Пружина в нём сжималась и защёлкивалась. Теперь можно было стрелять. Жмёшь на курок, пружина резко разжимается и присоска летит прямо папе в голову.

Примерно так же заряжаются длинные жиры и углеводы. Ну и белки. Растения загорают на солнце и, чтобы совсем нагореть, заряжают такие пистолетики с усилием, тратят энергию, значит охлаждаются. Они соединяют, «спружинивают» молекулы углекислоты и воды в длинные цепочки жиров и углеводов. А потом мы, животные клетки, распружиниваем эти длинные молекулы, то есть сжигаем их и так нагреваемся, получаем энергию.

Взрослому человеку нужны длинные, энергичные молекулы, но зачем ему короткие молекулы или отдельные атомы, не дающие никакой энергии? Вы скажете, для строительных нужд. Но что строить взрослому человеку? Если всё уже построено? Наоборот, большинства взрослых расстроено от своей перестроенности и мечтают о стройности.

Кальций, к примеру, не даёт никакой энергии и строить взрослому человеку из него нечего. Но многие советуют съедать один грамм кальция в день, это около стакана в год...

Если бы не было нас, почечных клеток, за четыре года в организме накопилось бы больше килограмма кальция. Такого количества хватило бы на ещё один скелет. Тогда у человека могло бы быть четыре руки и четыре ноги, как у паука и две головы, как у змея Горыныча, которому за людоедство отрубили голову.

А если дополнительный скелет вам не нужен, тогда давайте рассыпем стакан кальциевого песка равномерно по всему организму. Под кожу насыпем, в глаза, в лёгкие, в сердце, в почки. Ну как? Приятные ощущения? И никуда этот песок не денется, будет на тесноту жаловаться, яхты-самолёты требовать. Но если мы есть, если мы работаем, мы удаляем уже с совершеннолетия совершенно не нужный кальций.

Но откуда тогда, спросите вы, взялся говорящий камень? Из мочи. Если что-то чистится, значит что-то пачкается. Чистим ботинки – пачкаем щётку. Чистим мебель – пачкаем тряпку. Милиция тоже очищает общество от преступности. А мы очищаем кровь от мусора, который с мочой удаляется. Мы очищаем кровь, но мы не очищаем мочу. Если где-то убыло, значит где-то прибыло. В моче очень много труднорастворимых веществ, таких как соли кальция, мочева кислота и других, которые в больших количествах начинают сами собой собираться в кристаллики, песчинки, а потом и в камни. Сначала камни появляются в почках.

Если из труднорастворимых веществ получают камни в почках, значит если их не убрать из крови, такие же камни

получатся а крови, а значит и во всех частях тела. А чтобы порвать какой-нибудь важный сосуд в сердце или в мозге, не нужно большого камня, достаточно маленького, но острого.

Почечные камни.

Какой вред от камней в почках? На первый взгляд, он лежит, никого не трогает. Но он же растёт. Когда-то его не было совсем, потом песчинка, потом камушек, а теперь он на тесноту жалуется. А что будет дальше? Он заткнёт собою все протоки и выходы. Нас затопит и мы все захлебнёмся в соб-

ственных отходах... Это трагическое место, я должна сейчас немного поплакать... Когда я думаю об этом, я не могу сдерживать слёз.

Фрау Нефроу достала грязный носовой платок.

– Ведь если затопит нас, – стараясь не менять голоса и вытирая слёзы, продолжала Нефроу, – то кто тогда, кто будет очищать кровь, кто кроме нас? Никто... Почему мы стареем? Почему должны умирать? За что? Почему растут тарифы на оплату услуг в жилищно-коммунальном хозяйстве?

Уже сейчас заметны изменения к худшему. Посмотрите на меня, на эти лохмотья. Они появились со временем, постепенно, держатся крепко, не смываются, колются. Из-за таких лохмотьев погибли вчера две наши лучшие сотрудницы... Опять трагическое место... Кхы-кхы... А ведь мы не всегда были ведьмы, мы были голыми раньше, красивыми. Ах, как нам хорошо работалось тогда! Ничего не мешало, дышалось легко. А они тяжело дышали, им кислорода не хватало... Бедные Нефритта и Нефрида... Как ужасно. Конечно, тяжело дышать, когда дыхательные отверстия забиты всякой ерундой, и нормально поесть трудно. А ведь они много работали и им нужно было усиленно питаться, им нужно было много энергии. Откуда же взялись эти лохмотья? Их никто не заказывал и не покупал. Ани сами соткались из подручного материала. Вы хотите знать, какой материал убивал наших подруг? Знайте, этот грязный убийца – кальций. Он не действует в одиночку, он трус. Вместе со своими сообщни-

цами – углекислотой и фосфорной кислотой – он набрасывается на беззащитную жертву. Они начинают душить её, а потом режут своими острыми кристаллами-кинжалами. Как истинные садисты, эти мелкие ничтожные создания не сразу убивают беззащитную клетку, а долго издеваются, постепенно увеличивая мучения.

Но вы опять спросите: а почему мы не можем избавиться от них? Мы можем удалить только то, что плавает, не тонет, как говорится. То что до нас доплыло, то мы можем сплавить. А то, что до нас не дошло, не можем, у нас не длинные руки... Хотя злодеи по одиночке не велики, но когда они сбиваются в крупные бандформирования, они обретают большой вес. Они легко (тяжёлые потому что) оседают на дно. К тому же они становятся наглыми, самоуверенными, ко всем пристают, ко всем цепляются. Это не удивительно, они же вооружены острыми кристаллами. Как все плохие чувстваки, они неуютно чувствуют себя в одиночестве и потому всегда ходят толпой. Вы наверное знаете, что попасть в криминальную группировку легко, но вот безнаказанно выйти из неё и начать добропорядочную жизнь очень сложно.

Когда мерзавцы плывут в этом жёлтом потоке, они полностью в нашей власти, но, когда они крепко держат в своих руках территорию и сами за неё крепко держатся, мы ничего не можем с ними сделать. Вот в чём проблема, вот откуда лохмотья, вот откуда налёт. Налёт образуется из налётчиков, из углекислого и фосфорнокислого кальция... Я вижу,

вы потрясены. Да, умереть от банды минеральных налётчиков == это так нелепо и даже не верится, что так оно и есть на самом деле. Но химические законы неумолимы и жизнь жестока, особенно когда жёсткая вода. Но не смотря ни на что мы должны работать. Чем меньше в крови будет трудно-растворимых веществ, тем дольше мы протянем.

Зачем мы переливаем натрий из жёлтой первичной мочи обратно в кровь? Потому что он и сам хорошо растворяется и другим помогает растворяться. Он одновалентный. Он одиночка, не любит эти группировки.

Сладкую глюкозу мы переливаем из первичной мочи в кровь, потому что глюкоза даёт нам энергию, глупо её выбрасывать.

А кальций несёт нам одни неприятности. Ах, как он меня чешет!.. Послушайте, что рассказал мне один знакомый. Он был в командировке, а Коже. Так вот тамошние жители тоже кальцием недовольны. Он им белковые нитки и верёвки портит. Новые белковые нитки очень прочные, эластичные, хорошо сжимаются и растягиваются. А когда кальций их пропитывает, они теряют эластичность. То есть из хорошего материала превращаются а гнилые верёвки. Представьте, как это бесит кожинцев! Они – знаменитые ткачи. А из-за кальция их ткани совершенно теряют товарный вид. Дряблые, помятые, непрочные.

Что ткачу плохо, то строителю хорошо. Как они создают материал для своих многоэтажных костей? Мягкую белко-

вую основу они пропитывают кальцием и фосфорной кислотой. Белки становятся твёрдыми. Если поменьше кальция, получится хрящ, а побольше – будет обычная твёрдая кость. Мы же должны очищать кровь от кальция и фосфора, чтобы они не делали твёрдыми те белки, которые не надо, чтобы они не прилипали к белкам и вообще к клеткам, состоящим из белков.

Да, еда не совершенна. Иногда камень попадает на зуб, но не лучше, когда камень в жидком виде проникает в кровь, как клей, и уже внутри превращается в камень. Такую штучку уже не выплюнешь...

Вдруг в жёлтой трубе кто-то страшно заорал:

– Всех перережу! Всех перережу!

– И меня тоже? – спросил Комаров у Шприца.

– Это наверное говорящий камень. Теперь он кричащий.

Видать, здорово его прижало, – добавила фрау Нефроу.

Минерал не унимался:

– Я предупреждал! Не хотите по-хорошему, будет по-плохому. Кому-то дворцы по Пузырному тракту, кому-то апартаменты на улице Урицкого, а мне эту конуру?! Пеняйте на себя! Стены буду сносить! Понятно? Всё здесь разнесу!!! Вот! Вот так! Вот вам! Здесь рубанём!..

Пол затрясся. Тут же из трубы, в которую уходил жёлтый поток, подул несвежий ветерок. «Кажется, нам конец», – сказала Нефроу. За ветром из той же трубы на работников почечной отрасли обрушилась мощная волна. Всех затопило.

Комаров успел схватить Гаврилу Гаврилыча за брюки. Водоворот поколотил милиционеров об стенки, покрутил, повертел и снова вернул их, прямо скажем, в кровеносную систему.

Нет, это невыносимо! Сколько же можно мучить бедных людей! Хочется обратиться к высшим силам с просьбой закончить наконец их мучения. Ну не совсем закончить, раз и навсегда, а в данной трудной ситуации.

Высшие силы:

– Что же мы можем сделать?..

Как что? Всё. Хотя бы сделать так, чтобы наши герои почувствовали твёрдую почву под ногами...

Высшие силы:

– Ну, как скажешь...

Не сразу – пришлось покружиться – но принесло невольных путешественников к дверям немаленького здания. Зашли, огляделись, похоже на бассейн. Только он оказался полупустым, воды в нём наполовину. И посетителей почти совсем нет, только худенькая девочка в ластах сидела на тумбе с номером один. По мраморному полу милиция подошла к ней. Сели на тумбы с номерами 2 и 3.

– С лёгким паром, – нерешительно начал Шприц. Помолчали.

– Вы тоже участвуете? – не поворачиваясь к гостям, спросила девочка.

– Да. А в чём? – произнёс Комаров.

– Тогда вам нужны ласты, – не ответив, сказала девочка.

– Какие ласты?

– В воде.

В чуть мутной воде Комаров что-то разглядел, нырнул и действительно достал две пары ласт. Переобулись.

– Мы готовы.

– Вы поплывёте за мной, чтобы не заблудиться, – предупредила собеседница.

– Где тут можно заблудиться? Бассейн небольшой... А почему не сейчас? Мы ждём кого-то?

– Я понял, вода ещё не набралась, – догадался Комаров. – Бассейн наполнится, тогда и заплыв начнётся. Интересно, какой приз ждёт победителя?

– Большая титька, – отстранённым голосом выговорила девочка, повернула голову и посмотрела на будущих чемпионов. Те немного, совсем чуть-чуть, ужаснулись. Сжалось сердце и всё остальное. Захотелось куда-то бежать, пусть даже в ластах. До этого свою собеседницу они видели только в профиль. Когда она повернулась к ним, они увидели, что у неё нет половины органов. Вместо целой головы – половинка с одним глазом и с одним ухом. Одна рука и одна нога...

Через час Комаров тихо спросил:

– Гаврила Гаврилыч, а тут всех, кто не победит в заплыве, будут пополам распиливать?..

Через час Шприц ответил:

– Не хотелось бы. Пловцы же не преступники, за что их.

Вот мы, например, сидим, ничего не нарушаем, ждём воду, у нас ласты... Может быть, она фокусы в цирке показывала и была нарушена техника безопасности, вот её и распилили...

Пока ребята ждут воду, я, автор, развею некоторые сомнения. У кого-то наверняка возникли сомнения – не выдумка ли наши герои, существуют ли они на самом деле? Что-то уж слишком умны они для милиционеров, неужто могут существовать такие умные люди, тем более в милиции? Я легко развеваю такие сомнения. Таких людей полно в милиции. А причина их удивительной мудрости – если хотите знать – в том, что все они ведут здоровый образ жизни: они не курят табаков и не пьянствуют алкогольных напитков. Вторая причина, второстепенная, в их удивительно широкой образованности, потому что никакая трезвость не расскажет тебе, какие фокусы показывают в цирке, нужно самому идти и смотреть, ну а трезвость – необходимое условие для того, чтобы удержать в памяти ценные знания.

И конечно же спокойствие. Беспокойный человек никогда не станет мудрым. Знания, полученные в тревоге, память крепко свяжет с этой тревогой. И чтобы не напоминать о прошедших тревогах, память сотрёт из себя полезные знания, добытые в печали и тоске. Вот почему мудрость струится из наших милиционеров. Они всегда спокойны и жизнерадостны. Их память не боится прошлого, на их совести нет грязных пятен.

А предположения, что я сам милиционер, и потому стара-

уюсь обелить и возвеличить своих коллег, я очень легко опровергну. Вот так: никакой я не милиционер! Нечем крыть? Так то...

Вернёмся к нашим друзьям в ластах и посмотрим, что с ними происходит. Пока ничего. Больше суток они сидят в бассейне, макают ласты, ждут воду. Комарову это наконец наскучило и он нашёл себе развлечение. Творческая личность не может не творить... Комаров прыгал. Несколько часов назад он обнаружил, что одна из мраморных плиток, которыми выложен пол, шатается.

– Гаврила Гаврилыч... она поддаётся, – Комаров запыхался. – Ещё немного... и я её вытащу.

– Лёва, ты талант. Можно сказать, голыми руками камни ломаешь. Этого даже шаолиньские монахи не умеют.

Наконец камень сдался. Комаров его вытащил и, как рыбак рыбу, показал другу добычу. Камушек был увесистый. Теперь, имея такое орудие в руках, несложно было выбить следующую плитку. Что и было сделано. Скоро они уже вдвоём, как могучие австралопитеки в ластах, с азартом лупили по мраморным плиткам. Девчонка-инвалидка не обращала на них никакого внимания. Работа спорилась. Но вдруг...

Неожиданно пол под ногами затрясся. Работа остановилась. Работники сели и с открытыми ртами смотрели друг на друга, тряска не прекращалась.

– Комар, бестолочь! – заорал Шприц. – Это была твоя иди-

отская идея! Ты же несущие перекрытия разрушил! Сейчас весь бассейн на нас грохнется, идиот! Дать бы в лоб тебе этой плиткой!

В ту же минуту пол под ними просел, а противоположная сторона бассейна поднялась. Вода на секунду задумалась и широкой волной обрушилась на них. При этом Комаров больно ударился лбом о плитку. Водоворот закрутил их и они стали падать в какой-то колодец.

Флора Фрауэр принимает гостей

– Я уже привык к диванам, а тут их чего-то не видать. Хорошо хоть ласты есть, только куда в них плыть-то? – спросил Комаров у Шприца, когда нашёл его после падения с огромной высоты.

– Я-то откуда могу знать?.. О! Девчонка! – Шприц увидел русалку из бассейна. – Она знает, плывём за ней!

Русалка плыла хорошо, а сухопутные милиционеры плохо, поэтому они очень устали, когда она доплыла наконец до большого круглого пузыря и, быстро думая, влезла в него. Измученные преследователи подплыли к пузырю.

– Вот что я думаю, Гаврила Гаврилыч, мы только что зафиксировали кражу со взломом. Статья 158.

– Взлом был, а где кража?

– Кража производится внутри, иначе к чему было взламывать? Как бы нам её оттуда достать для сурового наказания?

– Отдохнуть надо сначала. Устал я очень. Не привык я к марафонским заплывам. Где бы нам расслабиться?

Зорким глазом оглядели местность. За первым пузырьём нашли второй такой же. Шприц поймал его.

– Раз лучше ничего нет, попробуем тут, – сказал Шприц и сквозь маленькую дырочку (она растягивалась) влез внутрь.

– Ну как там? – спросил Комаров.

– В общем неплохо, удобно, но вдвоём удобно не будет.

Тесно будет. Поищи-ка для себя ещё чего-нибудь.

Чего-нибудь нашлось само. Третий пузырь неожиданно сверху стукнул Комарова так, что его голова оказалась внутри. Остальной сержант присоединился к голове и тут же уснул...

...Проснулся Комаров от того, что чей-то палец ковырялся в его носу. «Может, Шприц шутит?» Оказалось, что шутила какая-то отдельная рука со скрюченными пальцами. Комаров с отвращением отпихнул обрубок. Тут же валялись отрубленная нога и ушастые полголовы.

– Шприц! Шприц!

– Я здесь, – откликнулся из другого шара полковник.

– Шприц! У меня тут руки-ноги валяются, я чуть не умер от страха! Что делать с этим мяскокомбинатом?

– У меня такая же фигня. Я этот суповой набор сразу выбросил, а ты дружи с ним, если хочешь...

Надо сказать про пузыри. Они не стояли на месте. Они плавно подлетели к красной стенке и приклеились к ней недалеко друг от друга так, что можно было друг друга слышать. Этим воспользовалась русалка и попросила своих новых знакомых:

– Раз всё так удачно получается, расскажите тогда какую-нибудь поучительную историю для детского организма, для меня то есть.

Детская поучительная история от Комарова

– Я знаю много поучительных историй. Когда я работал в красной тюрьме, я там как следует отлупил одного утупка. Потом я поел селёдку, и поссал на него, когда его вывели на прогулку. Ты не знаешь, прогулки у нас делались в стакане, размером метр на метр, под решёткой под открытым небом. И вот там я его обоссал, сверху, через решётку, и сказал ему: «Кажется, дождь начинается».

– Наверное, это был нехороший утупок, наверное, он тебя сильно обидел чем-то? – поинтересовался Шприц.

– Да. Очень. Своей отчуждённостью, холодностью. В его душе не было любви к ближнему.

– Да, полно ещё негодяев в этом загадочном мире, – подытожил Шприц.

Детская поучительная история от Шприца

– И про ещё одного такого негодяя я расскажу сейчас. Однажды, когда я ещё был маленьким и глупым, мы с пацанами измазали дерьмом гараж дяди Коли. За гаражами было как раз очень много материала от собак, очень удобное место. А Смирнов всё дяде Коле рассказал. А дядя Коля – нашим родителям. И, конечно, нам, как следует, вломили... Ну, потом мы Смирнова поймали, вломили ему и ещё набитую его рожу говном замазали. И вот об этом он уже никому не рассказывал... Так вот что я сейчас думаю: надо было сначала Смирнову рожу набить и дерьмом мазать, а потом уже и гараж. Тогда бы всё у нас получилось.

– Уточняющий вопрос, – реплика Комарова из пузыря, – к автомобильной теме. Я тут нашёл заправочный шланг с пистолетом. А у меня ни машины, ни даже канистры с собой. Пробовал оторвать – не отрывается, крепкий. Может быть, его куда-нибудь надо засунуть?

– В рот его себе засунь, – подытожил Шприц.

Детская поучительная история от русалки

– Теперь я расскажу поучительную историю. О том, как важно соблюдать инструкции. Вот у меня в руках инструкция для эмбрионов. Она была подготовлена министерством экономики и развития. Тут обо всём. «Возлюби президента, как...» Ну вы поняли, полезнейший документ. Мне бы хотелось подробнее остановиться на втором пункте статьи 93. «Копите кальций и размножайтесь». Нам в школе рассказывали про одного эмбриончика, который не захотел выполнять эту статью, как и все другие. Он решил вместо кальция копить золото. Но не накопил ни того, ни другого. Он не обрёл внутреннего стержня. Все об него ноги вытирали. Не со зла. Просто не замечали. Выглядел он, как тряпка, как тюфяк. Его так и называли самые зоркие, те, кто все-таки иногда замечал. Инструкции надо всегда соблюдать.

Нам нужно копить кальций всю жизнь. Новорождённый уже успел накопить около тридцати граммов, а старичок уносит с собой в могилу около полутора килограмма. Значит и нам нужно спешить.

В старческой кости кальция не просто больше, но больше в процентах. С возрастом кость становится более кальцинированной. У сорокалетнего в кости кальция больше, чем у тридцатилетнего, а у тридцатилетнего больше, чем у двадца-

тилетнего. Эту закономерность знают археологи. Чем больше кальция в кости, тем старше был её обладатель, когда умирал.

У стариков и кальция в костях и самих костей больше. Обратите внимание, какой у них большой череп, а таз какой широкий! Как в бане.

Это известно, но почему это так? Почему кальций и другие минералы накапливаются? Это желание костных клеток или кальций накапливается сам по себе, оседает, как в пробирке химика? Или это защитная реакция и костные клетки с неохотой связывают кальций, берут удар на себя? Чтобы защитить от избытков кальция другие, более важные органы. Ведь почкам, чтобы очистить кровь от излишков кальция, требуется время. Это важные вопросы и от них зависит наша минеральная политика.

Вот моё мнение и мои аргументы: кость прекрасно справляется с нагрузками и в десять лет и в три года. Для нормальной работы ей не нужно большого количества минералов. А вот у стариков как раз кости ломаются гораздо чаще, причём от любой ерунды, как сухие макароны, поднял тяжёлую сумку, хрясть – перелом в трёх местах!

Значит, если костные клетки не полные дуры (это я бы не исключала), сознательно наполнять кость кальцием они не будут. Значит, или это меньшее из зол – защитная реакция, или кальций поселяется сам, не спросясь хозяина. И то и другое могут происходить одновременно и в разных орга-

низмах по-разному.

Меньшее из зол. Лучше иметь кости на два миллиметра толще, чем камни в почках. Лучше более плотная кость, чем известь на сердечном клапане. Вот почему к старости кости ломаются от кальция, вот почему макаронны.

При остеопорозе, который бывает в старости, кости теряют кальций. Как и почему это происходит, тоже нужно понять. Да, теряет, но кость от этого не становится моложе, из восьмидесятилетней не превращается в десятилетнюю. Очевидно, кость в этом случае теряет не только кальций, но и белки, жиры... То есть теряет костные клетки, они гибнут, они не могут починить поломку. Почему так происходит? Отчего остеопороз? Мои аргументы: кальций накапливается постепенно. В какой-то момент его становится слишком много. Он забивает собою капилляры, клеточные поры. Клеткам не хватает питания, они задыхаются; судорожно рукой в темноте они ищут акваланг, но акваланга нет, не завезли! Или партия бракованная оказалась, я не знаю. И костные клетки медленно умирают... Но ведь всё на них держалось! Они эту кость построили, они её ремонтировали; лишнее уберут, недостающее добавят. И теперь их нет. Без них кость – не кость, а безжизненная яичная скорлупа. Кто теперь заменит белки, кто наклепит на них кальций с фосфором? Такие мои аргументы...

Но права ли я?

Что для меня самое важное? Конечно, истина. Можно ли

считать мои аргументы истиной? Что доказывает истину? Только опыт с мышами и микроскопами, которого не было. Был только жалкий опыт с сумками и макаронами. Значит, это не истина, а только смутные подозрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.